

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

РАСПЯТЫЕ НАРОДЫ

Папа Римский о судьбе меньшинств

ПОСЛЕ ПОТОПА

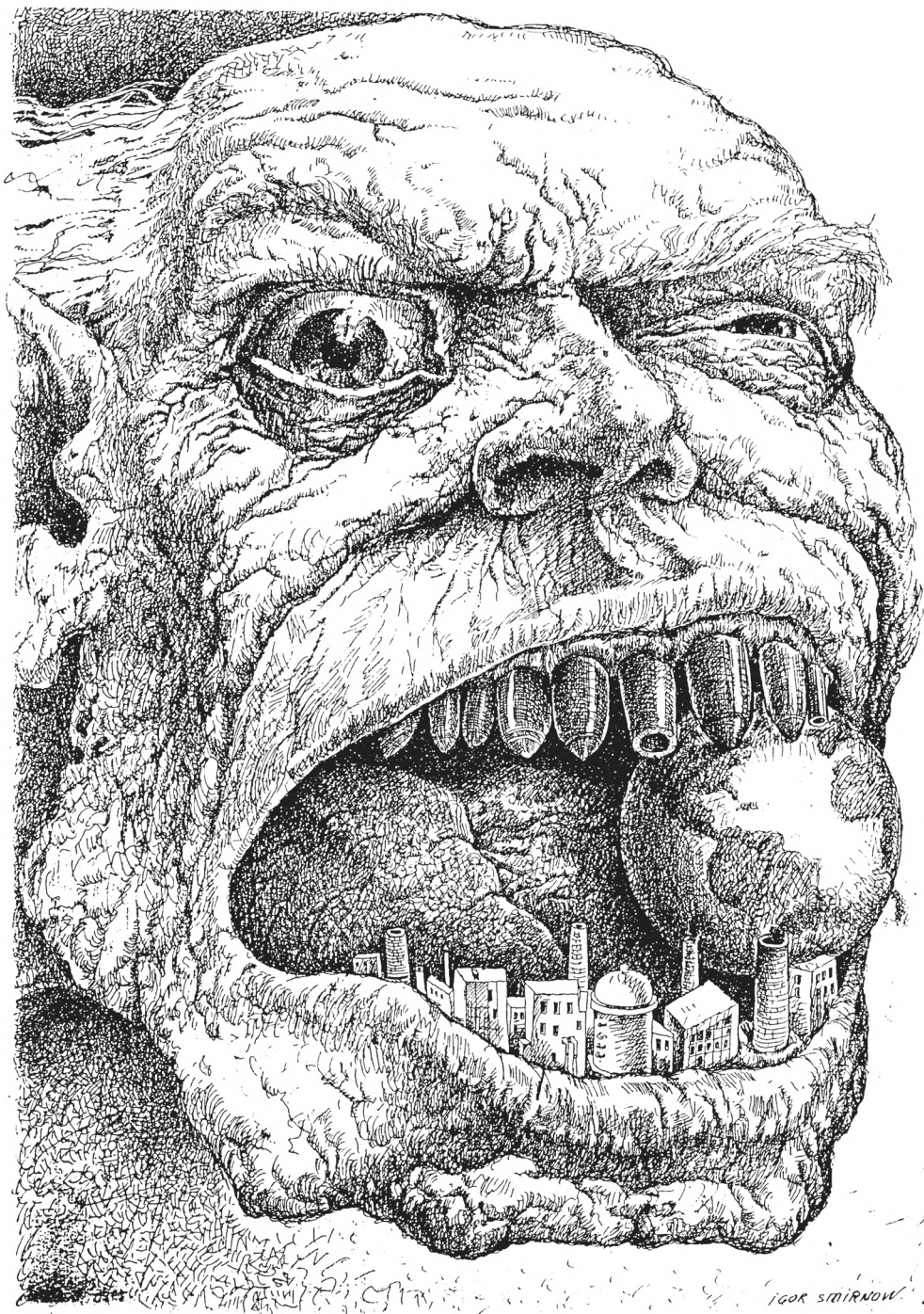
Революция в человеческом измерении

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ!

Концепция мира в письмах читателей

ISSN 0320 8001

9/89

IGOR SMIRNOW

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Мы: страна в движении

**Г. ГУСЕЙНОВ, Д. ДРАГУНСКИЙ, В. СЕРГЕЕВ,
В. ЦЫМБУРСКИЙ. ЭТНОС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЛАСТЬ**

13

Эссе

В. МИКУШЕВИЧ. НАРОД — ЭТО КАЖДЫЙ

19

Проблемы и суждения

**А. ПАНТИН. РЕВОЛЮЦИИ С КНУТОМ
Л. ЛИСЮТКИНА. В МОСКВЕ, НА КРАСНОЙ
ПЛОЩАДИ**

23

25

Заочный круглый стол

ВОЙНА И МИР В СССР: ЦЕЛЬ И КОНЦЕПЦИЯ

29

Наши публикации

**УВАЖЕНИЕ К МЕНЬШИНСТВАМ —
УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ МИРА**

38

Взгляд со стороны

Дж. ТЕДСТРОМ. ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ С ЦРУ

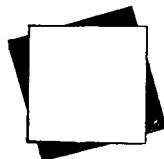
44

Досье «Вена»

Р. ВАЙЗЕ. ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В КИТАЕ

47

*На второй и третьей страницах обложки — рисунки
Игоря Смирнова (Москва).*

«Уважаемая редакция...»

На этот раз нам хотелось бы сказать несколько слов о еще одном, помимо почты, канале обратной связи с нашими читателями — телефонном. Звонков уйма. В основном на три темы. «Вас еще не закрыли?.. Значит, можно подписаться на 90-й?» Можно. «Почему такие запоздания?» Выбились весной из графика — теперь трудности в типографиях, да еще в летний, отпускной период. «Что с моим материалом?» Нас мало, мы физически не в состоянии рецензировать все статьи и письма.

Редакция искренне благодарит своих читателей за постоянную поддержку.

Строить общеевропейский дом

Перестройка — означает строить иначе и по-новому. С началом перестройки в советской политике пошел свежий ветер перемен. Об этом свидетельствуют предвыборная кампания, дискуссии и возникновение первых независимых движений.

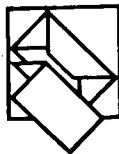
В дипломатической сфере сама готовность СССР к разоружению, в том числе в одностороннем порядке, помогла сдвинуть процесс с мертвой точки и привела к ликвидации ракет средней дальности. Результаты опросов в ведущих западных странах, в том числе в самом «фронтovém городе» Западном Берлине, снова и снова показывают, что страх перед нападением с Востока постепенно исчезает.

Мы знаем, что при этом нельзя рассчитывать только на государство, каким бы прекрасным оно ни

было. Поэтому мы подчеркиваем, что характер нашей «политики разрядки снизу» транснационален и независим от корпоративных устремлений государства.

«Общеевропейский дом», к участию в создании которого пригласил нас всех генеральный секретарь Горбачев, должен возводиться на неразделенных фундаментах.

Именно поэтому мы предлагаем, чтобы первым шагом к расширению этого диалога послужила организация силами партии «Альтернативный список» Западного Берлина (название партии «Зеленые» в Западном Берлине) и партии «Зеленые» Федеративной Республики Германии, совместно с представителями Советского Союза конгресса под рабочим названием **Строить общеевропейский дом**. Конгресс планируется на май-июнь 1990 года в За-

падном Берлине. Именно Западный Берлин, как политический сейсмограф отношений между Востоком и Западом, представляется нам идеальным местом для такого мероприятия.

Мы предполагаем, что основной темой этого конгресса будут проблемы перестройки в целом. Мы хотим провести дискуссии с советскими участниками, являющимися представителями государственных и партийных органов, науки, общественных организаций и неформальных движений, народными депутатами и учеными.

Мы хотели бы задать множество вопросов не только относительно советской политики, но и по поводу возможностей для нашей совместной деятельности. В чем мы можем объединить наши усилия, какие цели нам нужно преследовать сообща, что полезного могли бы мы сделать друг для друга и для мира в целом, какие усилия мы

могли бы приложить не только на уровне «высокой», но и на уровне народной дипломатии? Чрезвычайно важен для нас вопрос о том, какие уроки мы можем извлечь из перестройки для развития нашей концепции самоуправляющегося общества.

По поручению Исполкома партии «Альтернативный список» ассоциация «Социальные программы» и Бюро информационного обмена (г. Москва) представляют интересы западноберлинской и западногерманской рабочих групп конгресса в СССР и осуществляют организацию международного конгресса с советской стороны.

От исполкома партии «Альтернативный список» (Западный Берлин) и исполкома партии «Зеленых» (Федеративная Республика Германия)
Штеффенс ЕНГЕРТ,
Бонн—Западный Берлин.

Снова в неволю?

Я по специальности электросварщик, верующий, Свидетель Иеговы, зовут меня Саша.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, меня призвали на военную службу, а я по своим убеждениям отказался принимать участие в военной службе. Киевский народный суд приговорил меня по статье 77 УК МССР, часть первая, к трем годам лишения свободы. Отбыв два года шесть месяцев и двадцать четыре дня, по Указу об амнистии был освобожден и вернулся домой.

В январе прошлого года я женился, детей у нас пока нет, живем мы у бабушки моей, ей семьдесят лет. Я не изменился: как и прежде верую и читаю Библию. И сей-

час, когда в нашей стране происходит такой важный процесс, как перестройка, меня снова призывают нести военную службу, а я по-прежнему верен своим убеждениям и не собираюсь брать в руки оружие. Могу я узнать, как будет теперь относиться народный суд к таким, как я?

Мое личное мнение, что юноши, Свидетели Иеговы, больше пользы принесли бы на своих рабочих местах. Свидетели Иеговы добросовестно относятся к труду даже в тюрьмах и лагерях — неужели нам нет работы на воле?

Саша РУБАН,
г. Дрокия,
Молдавия.

Пессимисты

За все приходится платить — эту истину в полной мере подтвердил и Съезд народных депутатов. Впервые в истории нашего государства признано, что мы имеем дело не с «временными трудностями» и просчетами, а с глубоким кризисом общественной системы.

Многое, конечно, было ясно и раньше. Но когда на экранах телевизоров предстал перед миллионами парад беспрецедентных по сложности проблем, к которым неведомо как подступиться, когда стало ясно, что душераздирающие мольбы, стенания мало что изменят, даже если будут услышаны, ибо бесконечен ряд страждущих и жаждущих, а рука того, к кому обращаются с надеждой, пуста, прозрение стало всеобщим.

Как всегда в мировой истории, на крутых ее поворотах находятся люди, которые видят в самых трудных, трагических обстоятельствах удачный шанс проявить себя, выйти на авансцену, продвигнуться на главные роли. Еще больше таких, кто самоспасительно мечтает: все образуется — у нас еще не все потеряно, да и Запад поможет...

Носители оптимистического мировоззрения, как правило, охотно декларируют свои рецепты всеобщего осчастливливания. К ним привлечено и широкое общественное внимание. Но не следует забывать и о «пессимистах», исходящих из гипотезы, что в исторически сложившихся обстоятельствах у страны вообще может не оказаться перспектив для выживания в качестве **целостного общественного строя**: экономическая, политическая и нравственная деградация общества зашла столь далеко, что распад его, как тупиковой ветви цивилизации, неотвратим ни эволюционно-реформаторскими, ни радикально-революционными мерами. Возможности развития тоталитарной системы исчерпаны, а демократизация общества, лишенного за годы репрессий

жизненных и социальных потенциалов, открывает дорогу не столько прогрессивным, сколько деструктивным, реакционно-разрушительным силам.

Для «пессимиста» главная тормозящая сила перестройки — не бюрократия или какой-либо другой реакционный слой, а люмпенизированное общество в целом, которому не одолеть физического и интеллектуального истощения народа, непоправимой экологической ситуации, грядущего нарастания национальных противоречий. Мировоззрения «пессимиста» основывается на том, что никакой цивилизации, как и каждому человеку, не гарантировано вечное существование: бывают неизлечимые болезни, которых не одолеть и при правильно, наконец, поставленном диагнозе и добросовестных врачах.

К числу «пессимистов» относятся и сторонники идеи «чума на оба ваших дома». Естественно, они не видят выхода и в конвергенции, предполагая, что симбиоз капитализма, свободного рынка и социализма, пусть и с «человеческим лицом», не обогатит различные системы, а напротив, окончательно нарушит неустойчивый гомеостаз. С точки зрения «пессимиста», ни одна дорога не «ведет к храму», ибо храм разрушен, его нет и память о нем — химера.

Трагическая философия «пессимиста», мечтающего о прогрессе, свободе и полифонии общественной жизни, состоит в том, что сегодня именно он, а не консерватор, предостерегает: «Не раскачивайте лодку. Поздно, больной не операбелен. Любое вмешательство усугубит положение!»

После многолетних надежд на свободный рынок, нестесненную коммерческую инициативу, «пессимист» в ужасе от хозрасчета, зачатков конкуренции, кооперативных цен и качества товаров, от возросшей преступности, от морали новоявленных парвеню и нуворишей.

Вчерашний поборник регулярной сменяемости политических лидеров, рассредоточения власти — сегодня он в панике от центробежной активности и лишается сна, когда Горбачев, Яковлев и Шеварнадзе оказываются за рубежом, а наша малокровная, не знающая, как себя защитить, демократия — без властного присмотра. «Пессимист», гневно протестовавший против карательной акции в Тбилиси, сегодня негодует из-за нерешительных действий армии в Фергане и Коканде. Странник идеологического плюрализма, неподконтрольной гласности, он требует суровых санкций против митингов и тиражированных ксероксами опусов «Памяти». И приходит к выводу: нам все — во вред, никакие перемены не на пользу, сегодня плохо, завтра будет еще хуже, и никто помочь, изменить ход событий уже не в силах.

Возможно, сегодня «пессимисты» — единственная социальная группа, которая не видит смысла в перестройке, парадоксально отличаясь тем самым от догматиков, уже вполне осознавших, что сопротивляться переменам бессмысленно и задача в том, чтобы приспособить их и себя. Это последняя категория имеет самобытные позиции по ключевым проблемам мировоззрения и очень слабо коррелирует с другими типами политического сознания, в то же время она наименее изучена наукой и публицистикой. Зато «пессимист» — традиционно заметная фигура в отечественной литературе. Некоторое время «Советская культура» вела диалог «оптимиста» и «пессимиста», но почему-то это не стало традицией. Может быть, потому, что не всегда аргументы были крепче у сторонников оптимистической перспективы? Нет пока оснований считать, что число «пессимистов» в обозримом будущем снизится, скорее возможна противоположная тенденция.

Одно из противоречий демократизации состоит в том, что она не только стимулирует жизнеспособ-

ность общества, но и подрывает традиционные формы психологической самозащиты. Слепая вера в провидческую власть вождей, берущих на себя ответственность за будущее, при безоговорочном подчинении их воле, имеет и целительное для душевного покоя масс значение. Открывшаяся реальная картина, необходимость в первую очередь полагаться на себя, на свои силы и возможности, немалую часть современников повергла в душевное смятение и тревогу.

Сколько людей, поднимаясь на трибуну Съезда или ожидая у телевизора выступления своего депутата, надеялись: вот сказана будет, наконец, правда про то, как мы живем, — и услышат, и поймут, и помогут. Но на смену радетелю за ветеранов-пенсионеров шел молодой обезноженный афганец, стон инвалидов и плач матерей прерывался криком о сиротской доле... А сколько надежд и просьб остались даже и не высказанными — о чем говорить после тех, кого обожгли апокалипсисом Чернобыль и Семипалатинск, Уфа и Спитак, Элиста и Приаралье, кто жизнь положил «за идею», за «белое», «черное» и всякое прочее золото, чтобы каторжный труд на стройках коммунизма обернулся свинцовой безысходностью.

Вот в июне состоялась советско-американская встреча «Понимание ценностей западной цивилизации». Думаю, многие наши гости были потрясены тревожностью тона советских участников форума. А многие из нас удивились в свою очередь: на чем основан безудержный оптимизм, настоящая эйфория американских сенаторов и ученых по поводу перспектив перестройки?

Среди гуманитариев, творческой интеллигенции «пессимисты» составляют немалую часть и сопоставимы по удельному весу с другими типами политического сознания. Нужно также учитывать, что пессимистические настроения совместимы с приверженностью даже таким типам идейных платформ (см. «Век

XX и мир», 3/89), как «обыватели» и «обновленцы», «западники» и «государственники», «зеленые» и «патриоты», — альтернативные ожидания совместимы со слабыми надеждами на их реализацию. Ряды «пессимистов» пополняются и теми, кто ждал немедленных и радикальных изменений в общественной жизни, но не увидел их так скоро, как хотелось бы.

Эти люди выполняют немаловажную функцию в обществе. У маловера, скептика, всем недовольного и во всем сомневающегося, есть

своя социальная роль. Ибо атмосфера всеобщей эйфории, восторгов и рукоплесканий, слепого доверия к идеям и действиям официальных авторитетов, как показала наша история, — крайность, не менее пагубная для общества, чем отчаянье. Социальная гармония предполагает широчайший спектр мнений и позиций — в этом одна из гарантий жизнеспособности всей общественной системы.

**Леонид ГОЛЬДИН, профессор,
доктор философских наук,
г. Москва.**

Новое варварство

На днях подходит ко мне один мой товарищ и говорит: «Ну что, тебя еще не побили за твою писанину?» «Нет», — говорю. «А жаль!» — и он поглядел на меня с чувством глубочайшего демократического презрения.

Сегодняшним поборникам демократии не до аргументации — они ведут титаническую борьбу против страшного чудища по имени **Аппарат** и его слуг, именуемых «аппаратчиками».

«Аппаратчик» — это злодей, таящийся в Аппарате, делающий все от него зависящее, чтобы помешать прогрессивным демократическим преобразованиям. С ним всеми силами надо бороться. Желательно — до полного уничтожения.

В общем, бессмертные «Вопросы ленинизма» Иосифа Сталина нами освоены, и классовая борьба при перестройке усиливается со дня на день, как и пятьдесят лет назад. Что потом? Потом уничтожим аппаратчиков как класс — и вперед, к прогрессивным преобразованиям. Только вот, «где перед, а где зад», как говаривал лирический герой Андрея Вознесенского в шестидесятые годы...

Прогресс — это хитрая вещь. Не было в 20-е годы страны более революционной, чем наша, и не было

страны более консервативных традиций, чем Япония. А сегодня? Эх...

Логика утопического сознания — самая ироническая из всех, которые выдумала история. Никто так пламенно не желает пленительного будущего, как представитель названного племени политических деятелей, и ничья другая деятельность до такой степени не мешает реальной истории достигать сколько-нибудь значимых результатов.

На многочисленных митингах, которые проводились параллельно Съезду вплоть до Камчатки, одним из наиболее популярных умонастроений было подчеркнутое недовольство ходом его работы. «Как так, отчего съезд идет вопреки моим ожиданиям? Отчего не мои мнения о демократии и справедливости торжествуют в Кремлевском Дворце?..»

Для любого трезво мыслящего политика Запада события, начавшиеся в нашей стране после 1985 года, явились полнейшим откровением: даже сейчас, четыре года спустя, наиболее характерное отношение к нашим событиям — трезвая осторожность. И только наш отечественный обыватель, вчера еще мирно посапывавший в болоте «развитого социализма», — вдруг

политически созрел и уже выходит на улицы строем с плакатом «Дашь полное политическое наобор-рот!»

Я долгое время думал, кто же мы есть? И вдруг понял неожиданно ясно: мы — дети трибуны. Дети многолетнего высокопарного треска в микрофон, удобных поз вместо политических позиций. Политических вакханалий вместо политической борьбы.

Трибуна в нашей истории после 1917 года всегда претендовала на особую, «ведущую» роль в обществе. И всегда была театром: от трагически-искренних импровизаций первых лет революции до постыдных фарсов, разыгрывавшихся в стенах Дворца Съездов на протяжении 60—70-х годов. И только сверкнули нам первые проблески свободы, как именно трибуну мы вновь призвали себе на помощь. Правда, трибуну «неформальную», но это дела не меняет.

Взращенные в тени официозных трибун, мы жаждем воздвигнуть свои, «неформальные мавзолеи», дабы вещать с них «истинно революционное слово», искренне веря, что наш нынешний пафос — достаточная гарантия, чтобы история не повернулась вспять.

Однако логика «трибунного мышления» — это крайне опасная логика, ибо у нее есть лишь одно «положительное разрешение» — политическая история, которая властно заявляет о себе на сегодняшних неформальных митингах. И стереотипы трибуны есть стереотипы толпы. А воля публично вещать банальности — еще не есть свобода в подлинном смысле слова. Пастернак говорил: «Никто не может подарить мне свободу, если я не обладаю ею в зародыше сам в себе. Ничего нет более сложного, чем внешняя свобода при отсутствии свободы внутренней. Житель какого-нибудь Чикаго, пережевывающий то, что дает ему его ежедневная газета или радиоприемник, менее свободен по существу, чем фило-

соф в одиночной тюремной камере».

На трибуне нет дела до мысли. Потому что мысль слишком богата оттенками. «Момент истинный» наступает лишь тогда, когда судорожная скоропалительность, трибунные корчи уступают место спокойному и несуетному разрыванию мыслительных парадоксов. А трибуна — это ристалище, где некогда подумать, зато важно уколоть противника. «Кто не с нами — тот против нас», — вот правило трибунного поведения.

Увы, свобода митингов, которой мы так упиваемся, — свобода липовая. И вовсе не потому, что нам «не дают» сказать нечто сокровенное, а потому, что нам просто нечего сказать, кроме того, что кем-то и когда-то уже было обдумано и высказано. Упиваясь эйфорией повторов, мы с жаром твердим чужие мысли, оглушая ими тысячи зрителей, сплавляемых нами в толпу. Ставки растут, и выигрывает в конце концов тот, кто, оглушив умы, высвободит «инстинкт толпы».

Любой нестандартный мыслительный ход трибунное мышление подвергает публичному освистанию, не дав себе труда над ним задуматься. В результате вместо взаимообогащения полярных мыслей неформальная трибуна настойчиво формирует однолинейное мышление с черно-белой логикой. Так место политической склоки, где спорящим некогда слушать друг друга, превращается в место ритуального танца на трупе побежденного, где можно уже беспрепятственно размахивать своим урывком истины. А там уже наступает эра речей по бумажке и повального цинизма.

...В истории политической свободы, как и в истории человечества в целом, можно, по-видимому, говорить о ступени варварства. Не напоминаем ли мы сегодня воинственных гуннов, примеряющих на себя одежды мертвых патрициев?

Александр ЛОБОК,
г. Свердловск.

Куда пропадают тиражи?

Я выписываю большое количество газет и журналов. И все их исправно получаю. Кроме вашего журнала. И дело здесь не в отделении связи Л-146 Ленинского района города Свердловска. Почтовики отправляют акты недосыла по цепочке (городская журнальная база, экспедиция и т. д.), но все концы теряются, видимо, в Москве. В прошлом году я пытался решить этот вопрос через Главное почтовое управление СССР и Министерство связи СССР, но переутомился от длительной переписки.

Сразу же скажу, что для меня ваш журнал — то же самое, что депутатские Литвы, Латвии, Эстонии, Ю. Н. Афанасьев и другие — для I Съезда народных депутатов. Без них Съезд вообще бы ничего не сделал. Меня восхищает в вашем журнале истинный плюрализм мнений по политическим проблемам.

К сожалению, в этом году с доставкой началось все то же самое: я сразу же не получил № 2. По данным, представленным мне отделением связи, на весь город пришло 100 экземпляров, и нашему отделению (Л-146) не досталось ни одного. После **четырёх** месяцев жалоб подписчиков (их в нашем отделении 28) из Москвы пришел один экземпляр с условием прочтения его в помещении Л-146 **[28 человек — по очереди!]**. Это даже не

издательство, а что-то непостижимое!

Куда девается часть тиража вашего журнала? Кто конкретно виноват в недоставке издания подписчикам? Либо это делается по негласным указаниям свыше, дабы несколько смягчить влияние «опасных» публикаций на «незрелые» политическое общество. Либо особенно интересные номера (в № 2 — статья А. Солженицына «Жить не по лжи!») передаются оптом спекулянтам.

Если найти виновных, то можно ли за их счет организовать допечатку выпуска № 2? Ведь кто-то должен отвечать за все эти издательства над подписчиками.

Александр ИСАКОВ,
г. Свердловск.

От редакции: «К сожалению, в последнее время таких писем в нашей почте множество (и еще больше — обращений по телефону). Редакция физически не в состоянии проверить, в какой из цепочек Министерства связи СССР пропадают экземпляры особо интересных номеров журнала. Мы адресуем справедливые претензии наших читателей ответственным работникам этого ведомства.

Терапия насилия

На протяжении нескольких лет внимательно читаю ваш (точнее, наш) журнал. Очень рад, что на его страницах возрождается и наполняется новым смыслом понятие «ненасилие».

Сегодня, в период эскалации насилия в стране, на мой взгляд, очень важно пропагандировать идеи ненасилия, демократии и гуманизма,

имеющие глубокие традиции в России. Предлагаю небольшой рассказ о пацифистской организации, существовавшей в г. Бийске (Алтайская губерния). В годы, когда по России катилась братоубийственная гражданская война.

4 июня 1918 года Лига общечеловеческого братства и вечного мира выступила через газету «Бийская

правда» (№ 70) с обращением к партии большевиков, в котором, «учитывая стоящую перед государством угрозу дальнейшего самоистребления и голодной смерти», настаивала на немедленном провозглашении приоритета «верховной воли великого человечества» над всеми классовыми и партийными интересами, на безотлагательном созыве Международного парламента путем всеобщего голосования из расчета 1 депутат на 1 или 2 миллиона человек населения каждой страны. Члены Лиги настаивали на включении этих требований в программу партии большевиков, считая, что это будет способствовать достижению «скорого, справедливого» мира. (Рукопись А. Мянова «Бийск и Октябрь». Гл. V. «Чехословацкий переворот», с. 14—15. ГААК, ФР-483, оп. 1, д. 28.)

А спустя месяц, в белогвардейской газете «Сибирская речь», издававшейся в Омске, появился фельетон Н. Паляя «Свет с Востока», в котором высмеивалось обращение бийской Лиги к Временному сибирскому правительству. «Кто бы мог подумать,—воскликнул автор,— что г. Бийску суждено решить все проклятые вопросы о человеческом братстве, о мире и пр.?» Члены Лиги в проводимом в фельетоне обращении призывают Временное сибирское правительство немедленно признать, что «Сибирская Республика есть Часть Великого Человечества» и что «по международным и общечеловеческим вопросам она подчиняется законам верховного общечеловеческого органа — Международного (Универсального) Парламента, который должен быть создан в ближайшее время «в Омске, Томске или ином месте» («Сибирская Речь», 31 июля 1918 года). Этот документ подписали председатель Комитета Лиги А. Михайловский и секретарь П. Гривский.

Всемирный парламент, да еще в Омске или Томске — все это выглядит несколько странно на фоне событий революции и гражданской войны, в контексте кровавой борь-

бы не на жизнь, а на смерть. Однако вспомним, что то, к чему призывали члены Лиги, сегодня или воплощено (Международный Парламент — ООН), или провозглашается в качестве приоритетов нового мышления (приоритет общечеловеческих ценностей над национальными, классовыми, партийными; разрешение ненасильственным путем противоречий и разногласий на международной арене и внутри каждой страны; снижение военных расходов; борьба с милитаризмом; создание и развитие системы мирового экономического хозяйства).

Интересна личность А. Михайловского (к сожалению, нам не известны его полные имя и отчество) — председателя Комитета Лиги. Как сообщил бийский старожил, краевед Леонид Александрович Мальцев, Михайловский был достаточно заметной фигурой в городе в начале века: адвокат, эсперантист. В 1918 году им была написана и издана книга «Верховенство Человечества и Международный Парламент». (В «Бийской Правде» от 26 марта 1918 года было помещено объявление о ее продаже.) Судьба А. Михайловского трагична: в 1920 году он был арестован, и дальнейший след его затерялся. Предполагают, что он скончался в Бийской тюрьме.

Что же обсуждали члены Лиги на своих собраниях? Об этом дает представление сообщение о заседании Лиги, состоявшемся 5 декабря 1918 года. Основной доклад на тему «Международные отношения» был сделан А. Михайловским. Он особо отметил насущную потребность человечества во «властном, всеми признаваемом Всемирном учреждении», подчеркнув важность его для Сибири и Европейской России. Рассматривая Сибирь отдельно от России, Михайловский был, вероятно, близок по своим взглядам и настроениям к «сибирским областникам» — движению за политический, экономический и культурный суверенитет Сибири. Докладчик далее подчеркнул огромную

роль Президента США Вудро Вильсона в деле отстаивания мира. Действительно, оценивая с высоты нашего времени миротворческую деятельность Вильсона, можно, не зная на отдельные промахи и ошибки, назвать его, наряду с творцом новой, социалистической внешней политики В. И. Лениным, одним из предтеч нового мышления. Как это ни прискорбно, Ленин и Вильсон не понимали и не принимали позиций друг друга. Тогда, наверное, и не могло быть иначе.

В заключение своего содержательного доклада Михайловский высказал уверенность, что организация Всемирного Парламента — дело ближайшего времени. (Действительно, вскоре по инициативе и при непосредственном участии президента Вильсона была создана Лига Наций — предшественница ООН). Присутствовавшими было принято послание к Вильсону, закончившееся словами: «Да здравствует Великое Человечество, его Верховная

Воля и общечеловеческий орган — Международный Всемирный Парламент! Да здравствует равноценная развивающаяся личность, вечный мир и братство всех людей и народов!» («Думы», 8 декабря 1918 года).

Разумеется, сегодня наивными выглядят упования алтайских пацифистов на действенность и эффективность Вселенского Парламента. И тем не менее, попытки осмыслить мировую ситуацию, не примыкая ни к одной из враждующих группировок, в рискованных обстоятельствах бесчеловечно жестокой гражданской войны, на мой взгляд, заслуживают нашей памяти и уважения. Подвижники из Бийского отделения Лиги общечеловеческого братства и вечного мира остаются живым примером и для современных сторонников мира в СССР.

Артем КУДИНОВ,
член общества «Мемориал»,
г. Барнаул.

Осторожно: справедливость!

Героем дня можно назвать понятие социальной справедливости: со всех трибун, со всех страниц и экранов на нас надвигаются эти два слова. «Кто за социальную справедливость?» — лес рук: справа, слева. «Кто против?» — никого.

Но вслушайтесь в понятие «справедливость»: это атрибут силы. Справедливый отец, справедливый хозяин, справедливый царь. Справедливая власть.

Проблема социальной справедливости есть проблема Власти. В справедливости отложились и спрессовались вековые претензии слабого к сильному, униженного подданного к властителю: дай нам справедливый суд, воздай каждому по чину его. Как религия есть вера в Бога, так **справедливость есть вера во Власть**. Но если религия есть отказ от притязаний, то справедли-

вость — это обожествленное «Дай!»: всем по потребностям, никто ни на кого не в обиде. Но это жестокая иллюзия: само понятие справедливости есть сублимация конфликтных отношений, где власть выступает как арбитр.

Представления о справедливости в своей основе являются неправовыми, ибо возникают тогда и только тогда, когда законное право не удовлетворяет притязаний и появляется потребность выйти за пределы закона, встать над ним. Это и есть содержание апелляции к Власти. Справедливость есть союзный договор двух сил, равно не заинтересованных в (наличных) правовых ограничениях. Ежеминутно порождаемая мнением, справедливость постоянно нависает над правом, поэтому квинтэссенцией справедливости является правовой нигилизм.

Понятие справедливости незримо разрушает в массовом сознании слабые и драгоценные начатки правосознания.

Антагонизм права и справедливости коренится в вопросе о власти. Понятия эти родственны, оба они восходят к понятию «править», «направлять», но что из них реализуется — зависит от того, кто (или что) «правит»: закон или сила. Когда закон подчиняется власти, остается уповать на справедливость. Но тогда и власть для обоснования своего примата над законом вынуждена прибегать к понятию справедливости, которому в этом случае можно дать определение: произвол, освященный общественным мнением. А поскольку инструмент справедливости есть произвол, то есть насилие, постольку инструментом «верховой справедливости» обычно оказывается **диктатура**.

Несть числа подвигам справедливости. И всегда оказывается, что результат противоположен первоначальному намерению, даже если те были благородны. Вспомним брежневские привилегии участникам войны, унижительные для ветеранов и раздражавшие общество. Вспомним хрущевский расстрел подпольного предпринимателя Рокотова — без санкции закона, согласно своему пониманию справедливости. Вспомним первый шаг перестройки — борьбу с нетрудовыми доходами, превратившуюся в экономический террор. Свинцовый кулак справедливости сегодня опускается на кооперативное движение. А если намерения не очень благородны?.. В конце концов и только недавно отменена процентная норма для евреев в вузы — это ведь тоже своего рода социальная справедливость.

П. А. Флоренский видел в истории два типа культур: традиционный и возрожденческий. Традиционные, деревенские культуры стремятся к стагнации, возрожденческие — к развитию. В нашем случае это означает: идеал деревенской культуры есть справедливость, а для

возрожденческой культуры, породившей понятие прогресса и культ успеха личности, идеал — право. В психике каждого отдельного человека имеются элементы, ведущие свое происхождение от каждой из этих двух культур; вопрос только в том, какие из них преобладают. Социальная справедливость — чувство человека из толпы. Если же человек деятелен, стремится к личному успеху, он опирается только на право. Первый хочет быть «как все». Второй — не хочет. Первый апеллирует, второй — действует.

Остается уточнить функцию власти, опирающейся на лозунг социальной справедливости. Вот его «официальный смысл», идущий из глубины веков: «...могущественный стоит над простым человеком, но не презирает его, простой же поддерживает благородного, но его не боится» (Гай Саллюстий Крисп). Этот лозунг позволяет создавать и поддерживать **иллюзию единения власти с народом**, иллюзию непосредственной передачи властных полномочий от самых народных низов, минуя правовые механизмы, прямо в руки вершителей судеб народных, то есть олигархии.

«Обществу необходим слой лиц, группа людей, в которой был бы персонафицирован (...) авторитет, в чьих действиях воплощается совокупная воля народа. Наличие такой руководящей группы на разных уровнях управления от низовых, первичных звеньев общественной системы до высших эшелонов власти — потребность общественной жизни», — пишет официальный советский теоретик В. Е. Давидович. (Социальная справедливость. М., Политиздат, 1989, стр. 228—229).

В 1989 году нас убеждают: социальная справедливость «в наши дни повелительно диктует непреложность концентрации власти, сосредоточение права принятия решений в руках узкого круга лиц»... Добавить к этому нечего: перед вами Троянский конь олигархии.

Как же относиться к справедливости? Справедливость есть **дух зако-**

на, но очищенный от его **буквы**. Представления о справедливости есть величайшая революционная и правообразующая сила. Антагонизм права и справедливости снимается только в правовом государстве, где закон защищает те же самые интересы, за которые бьется чувство справедливости,— защи-

щает **опосредованно**, действуя через всю систему общественных отношений. Попытка же непосредственно прорваться к справедливости разрушает социальную ткань и кратчайшим путем ведет революцию к олигархической тирании.

Константин ДОРРЕНДОРФ,
г. Москва.

Нам уже доверяют?

Отвечая на вопросы «Огонька», член коллегии Прокуратуры СССР, государственный советник юстиции второго класса В. И. Андреев сказал: «Что касается статьи 190¹ УК РСФСР, то она волнует сейчас всех законодателей. Конечно, она требует кардинального изменения, учитывая демократизацию нашего общества в период перестройки, возросшего **доверия к советским людям со стороны властей** («Огонек, 1989 № 4, с. 5). Напомним, что статья 190¹ предполагает наказание за распространение «заведомо ложных измышлений», порочащих советский государственный строй (а на самом деле критических замечаний, дискредитирующих официальную мифологию).

Мне не случалось наталкиваться на такую откровенность даже в период застоя. У государственного советника юстиции получается, что есть «советские люди», есть «вла-

сти» и есть «возросшее доверие» **вторых к первым**,— а не наоборот! Но раз доверие возросло, значит, раньше этого доверия было меньше, хотя и теперь недоверие остается.

Что ж! Спасибо вам, власти, за доверие! Кстати,— о людях сказано, что они «советские», а о властях? Власти сами по себе, над советским народом, и они судят нас: заслуживаем мы доверия или нет, достаточно ли мы, люди,— «советские».

Да, никогда еще так не выпирало на свет основное зло нашего строя, как в этой проговорке: отчуждение властей от народа! А почему бы государственному советнику не подумать: а возрастает ли доверие советских людей к таким властям?

Арсений ЧАНЫШЕВ,
доктор философских наук,
г. Москва.

ЭТНОС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Гасан ГУСЕЙНОВ,
Денис ДРАГУНСКИЙ,
Виктор СЕРГЕЕВ,
Вадим ЦЫМБУРСКИЙ

Чем выше волна национальных конфликтов в нашей стране, тем отчетливее раскрываются два принципиально различных, но равно взрывоопасных фактора, заключенных в нашей национальной политике и параллельно работавших в ней на протяжении десятилетий. Об одном из них говорилось и писалось немало, в том числе и авторами этих строк. Он у всех на слуху, обычно характеризуемый как сталинистское наследие, воплотившееся в создании из федерации, как принято говорить, свободно самоопределившихся народов неимперской структуры «союза нерушимого». Истоки этого наследия усматриваются в сталинской идее автономии, исподволь восторжествовавшей над ленинской концепцией федерации. Уже сказано, что федерация у нас превратилась в ряд кучух автономий, что всеобъемлющий централизм привел к формированию у большинства народов СССР образа имперского чиновника с чертами господствующей нации, что декларируемый интернационализм практически претворяется в политику денационализации. Выход из кризиса видят в скрупулезном проведении первоначально провозглашенного федеративного принципа, даже с некоторым компенсаторным перегибом в сторону свободной конфедерации, во всемерном ограждении самоопределившихся народов на своих территориях. Еще более надежный противовес имперству мыслится в равноправии всех национально-территориальных образований, в приравнивании АССР и АО к союзным республикам.

Диагноз «имперской болезни» бесспорен, но едва ли полон. При неполном диагнозе глотание лекарств может иметь неожиданные последствия. Такие национальные конфликты, как нагорно-карабахский, ферганский, новоузенский, абхазский, заведомо не укладываются в формулу противоборства наций с империей. Анализ этих конфликтов показывает, что ставка исключительно на упрочение территориального суверенитета этносов может явиться не столько лечением, сколько усугублением другой болезни, также таящейся в нашем национальном устройстве. Эта болезнь отнюдь не противодействует «имперскому интернационализму», но мирно его дополняет. Речь идет о тенденции к политизации национальных отношений через утверждение мононациональных политических образований на многонациональных территориях.

Право нации на самоопределение есть право достаточно многочисленного этноса, проживающего на некоторой территории, на образование государства, где власть осуществляли бы в основном представители данного этноса, а его язык и культура находились бы в условиях максимального благоприятствования. При этом судьба других этносов на той же земле всецело зависит от позиции государства, создаваемого самоопределившимися этносом — «нацией». Это слово — нация — имеет много смысловых оттенков, в частности и тот, что предполагает некое единство населения с территорией и политическим режимом (например, в названии Организация Объединенных Наций). Такое

(этническое) определение нации как «народа-государства» не является на самом деле этнологическим. Однако мы сплошь и рядом видим смешение этнологического и этатистского понятий в идее нации как этноса, дозревшего до своей государственности в отличие от нездозревших этносов-народностей. **Выделение в пределах государства особых наций из общего числа этносов есть на самом деле провозглашение неравноправия этносов.**

Таким образом, неравноправие есть следствие политизации или этатизации национальных отношений, на которой основывается и иллюзия мононациональности таких государств, где право называться нацией закреплено за одним огосударственным этносом. Принцип «самоопределения наций» прокладывая себе дорогу в Восточной Европе через конфликты, раздиравшие Турцию, а также Австро-Венгерскую и Российскую империи в XIX и начале XX вв., и был окончательно узаконен Версальским договором 1919 года, утвердившим образование ряда национальных государств из частей двух рухнувших в мировой войне империй.

Оформление Версальской системы впервые со всей отчетливостью поставило две проблемы:

- 1) объективное размежевание государств, образуемых по национальному признаку;
- 2) стабильность национальных государств с полиэтничным населением.

Ни одна из этих проблем не была решена сколько-нибудь удовлетворительно. В пределах империй границы национальных ареалов всегда диффузны и, обводя их политическими рубежами, приходилось резать по живому, оправдываясь ссылками на благо от консолидации тех представителей нации, что оказались по эту, а не по ту сторону рубежей. Стратегические, экономические и т. п. соображения, а также соображения «исторической исконности», переплетались с этническими доводами в самый чудовищный клубок. Из этого клубка возникли, с одной стороны, внутренние противоречия, которые (злонамеренно подогреваемые извне!) в 1938 году разорвали Чехо-

словакию, а в 1941-м облегли крах Югославии, а с другой, — бесконечные тяжбы между Польшей и Германией, Польшей и Чехословакией, Румынией и Венгрией и т. п., короче — всех со всеми, «подмороженные» лишь после Второй мировой войны в условиях противостояния двух огромных военных блоков.

Предвоенная история Версальской системы весьма поучительна для осмысления судеб национальных государств образований, создаваемых на основе бывших многонациональных империй. История послереволюционной государственности в СССР — это не только история попыток восстановления централизованной империи в форме союза национальных республик, но это и история взаимоотношений этносов, наделенных государственностью разных рангов между собой, а также этносов, огосударственных с этносами, не обладающими территориальным суверенитетом, в масштабе всего Союза или отдельных регионов. Например, судьба русского народа, взятая в этих двух аспектах, оказывается тройкой: в одном из них он выступает своего рода цементом, связующим национальные «кирпичики» в здании «интернационалистской империи»; он же — одна из огосударственных наций, ассимилирующих «малые» этносы; он же — и одно из меньшинств на «чужих» национальных территориях.

Точно так же двойится и тройится статус этносов, самоопределившихся в форме союзно-республиканских наций. Объективно многие из них политически зажаты между союзным центром и «своими» меньшинствами. Статус автономных республик и областей, не имеющих права выхода из союзных республик и вынужденных разделять с ними, независимо от воли своего населения, даже такой гипотетический «самоопределяющий» акт, как отделение от Союза, неравноценность форм самоопределения вызывают понятный протест. Право Верховного Совета союзной республики отменять постановления Верховного Совета входящей в нее АССР оказывается, если и ту, и другую республики считать способами

самоопределения, не чем иным, как выражением иерархии народов в форме иерархии территории. Тогда низшими в иерархии, независимо от своей численности, оказываются этносы, не имеющие своей территории, но проживающие на земле «самоопределившихся» народов, например, цыгане, немцы, крымские татары, турки-месхетинцы и т. д.

Что представляет из себя на самом деле движение за суверенитет «союзно-республиканских» наций: стремление разрушить иерархию народов или попытку свергнуть русского бюрократа как главного иерарха и превратить огосударственные этносы в полновластных иерархов у себя дома?

Как ни горько напоминать, апрельская трагедия в Тбилиси началась с акций, где протест против «империи» шел неразрывно с протестом против «сепаратизма», то есть против того же самоопределения абхазов. Весьма сомнителен тезис о том, что прочная национальная государственность является естественной защитницей малочисленных народов от «империи» — особенно теперь, когда в ряде мест изгнание «пришлых» и меньшинств оказывается основным лозунгом радикально настроенной части огосударственных этносов. Как не вспомнить приводившиеся в газетах крики месхетинцев, обращенные к солдатам войск МВД: «Почему же вы нас не защищаете?» А «не защищали», точнее — защищали недостаточно активно, ибо опасались повторения апрельских событий в Тбилиси. Но можно ли требовать понимания этого от распинаемых месхетинцев или крымских татар?

Разве для подвластных рвущаяся к власти новая сила всегда лучше властей старых? Для многих (если не для всех) меньшинств торжество принципа конфедерации означало бы не только ослабление власти русского бюрократа над местным, но и отдачу их самих на милость представителей здешнего государственного этноса.

Можно выделить два различных типа конфликтов на национальной почве в зависимости от доминирующего мотива: столкновения между национальным

движением и интернационалистской бюрократией, претендующей на выражение общегосударственных интересов, или притязания «суверенного» этноса решать судьбу «мигрантов» либо иных меньшинств.

Образец конфликта первого типа мы имеем в Белоруссии, где наблюдаются бессмысленные по ожесточенности гонения госаппарата на группы, выступающие за подъем национальной белорусской культуры. Конфликты второго типа — это ферганский и новоузенский, а также конфликт из-за Нагорного Карабаха, на деле сводящийся к двум параллельно разыгрывающимся конфликтам между большинством и меньшинством на территориях Азербайджана (собственно Нагорный Карабах) и Армении (районы, компактно населенные азербайджанцами, в настоящее время почти полностью мигрировавшими в Азербайджан). В Грузии в апреле 1989 года второй тип конфликта перерос в первый в силу принципиально различного отношения «меньшего» и «союзно-республиканского» этносов к центральной власти. Очень интересна ситуация в Прибалтике, где два конфликта оказываются «склеены»: русскоязычные (в глазах местного населения — «мигранты»), полагая сами себя требующими равноправия меньшинствами, воспринимаются другой стороной как агента настулающих на регион московских ведомств.

На самом деле традиция интернационалистского централизма и традиция безоговорочного самоопределения крупных наций-этносов как носителей государственности на полиэтнической территории в равной мере выражают этатистское видение этноса в первую очередь как политической величины, подход к этносу с точки зрения его роли в структуре государства.

В этом плане нам придется указать на эволюцию взглядов Сталина как она выразилась в его текстах и делах. В труде 1912 года «Марксизм и национальный вопрос», горячо одобренном Лениным, Сталин, отклонив характеристику нации по признаку наличия собственной государственности, в то же время включил единство территории и экономической жизни наряду с общностью языка и культуры в

число признаков, отсутствия хотя бы одного из которых «Достаточно.., чтобы нация перестала быть нацией» (Соч., т. 2, с. 297 и след.). Поскольку тем самым для нации оказываются необходимыми на деле те же признаки, что и для государства, за исключением единства политической власти, можно утверждать, что для Сталина нация есть этнос в таком его состоянии, когда он способен «самоопределиваться», выступив претендентом на власть. В то же время предполагается, что этот претендент может быть уничтожен расчленением его территории, расчленением внутри нее экономических связей и т. п. («нация перестает быть нацией»). На протяжении всей своей деятельности Сталин исходил из соотношения нации как политического субъекта с государством-«империей». Так в 1919 году как нарком по делам национальностей он настаивал на замене в программе партии лозунга «права наций на самоопределение» как «пустого» и «легко используемого империалистами» на более радикальный лозунг «права народов на государственное отделение», в чем ему видело выражение истинных интересов наций (Соч., т. 5, с. 42 и след.). Понятно поэтому, что, став на позиции возрождателя империи, Сталин должен был подозрительно относиться к нациям, видя в них все тех же претендентов на политическую власть.

Переход от «права народов на государственное отделение» к «имперству» был облегчен единством лежащего за этими политическими позициями взгляда на нацию как на политический субъект.

Гонения на национальные культуры (борьба с буржуазным национализмом) теперь для вождя были неизбежны, ибо культурные запросы и раньше не мыслились отдельно от запросов политических. В то же время «укрощаемые и обузываемые» огосударственные этносы рассматривались как стабильные величины в массе почти эфемерных этносов, не обремененных политическими правами. Курс был взят на сокращение числа последних, подверствание их представителей в переписях под перечень «определившихся» народов, благодаря чему число национальностей в 1939 году упало до 99 по сравнению со 194 в 1926 году. Сам

Сталин в ноябре 1936 года в докладе по проекту Конституции признал существующими «около 60» этносов, что приблизительно равнялось числу национально-территориальных образований.

В годы «имперства» политика поглощения немалой части этносов на «чужой» земле, включенными в государственную структуру суверенными нациями, шла полным ходом. Денационализация ни в малой степени не препятствовала таким проявлениям национального суверенитета.

Идеологи, утверждающие несовместимость идеи нации как политического субъекта со сталинизмом, не додумывают самой этой идеи до ее логического конца, а главное — пугающе забывчивы.

Политическая правосубъективность неотделима от ответственности. Любой политический субъект — человек, партия, государство — за нарушение законов общества, к которому он принадлежит, подвергается различным санкциям, вплоть до уничтожения (смертная казнь, роспуск организации, расчленение побежденного государства-агрессора). Что в таком случае, при понимании нации как политического субъекта, можно возразить против сталинской практики наказания народов в качестве своего рода коллективно ответственных лиц? Усмотрение в нации-этносе субъекта политики чревато идеей правовой допустимости геноцида.

Заключенный в европейском сознании моральный запрет на геноцид как преступление против человечества необъясним при допущении концепции политической ответственности нации-этноса, и напротив, совершенно понятен, если исходит из принципиального разделения нации как народа-государства и нации-этноса.

Дезлатизируя нацию, совлекая с нее приписываемое ей стремление к политической власти, мы видим в нации только этнос и устанавливаем, что именно как этнос она для европейского сознания не подлежит уничтожению. Этнос же не нуждается в большинстве указываемых Сталиным атрибутов: ни в единой территории (он может быть раскидан по всему свету), ни тем более в общем хозяйстве, а в единичных, экстремальных случаях может не иметь в конкретное время и единого языка. Этнос — это существую-

щая или существовавшая какое-то время культурная общность, трансформировавшаяся в сознание генетической общности («по крови») и часто в образ референтной группы весьма высокого ранга, с которой соотносит себя принадлежащий к данному этносу человек. Как видим, ничто не противоречит возможности для человека причислять себя к нескольким этносам, к которым он привязан двумя или всеми тремя отношениями: памятью культуры, чувством «родства по крови» или образом референтной группы.

По природе своей этнос не субъект политики, но тип человека-создателя и носителя определенной культуры. Однако и этого было бы недостаточно, чтобы объяснить запрет на геноцид как преступление против человечества, если не исходить из презумпции общечеловеческой значимости любой этнической культуры как формы самораскрытия творческих способностей человеческого рода в целом, ценной для его дальнейшей истории. Больше того — этнос не только не субъект политики, но и не собственник. Ему не принадлежит ничего, кроме культуры, которую он создал, но и она ему принадлежит не по праву собственности, а по праву преимущественной сопричастности. Этнос не владеет землей, которая может существовать и без него. Поэтому он не вправе протестовать против притока «мигрантов» на эту землю. Подымая такой протест, он выступает не как этнос, а как часть проживающего в государстве населения — и только. Неотъемлемо принадлежит ему лишь выработанные им в веках особые формы симбиоза с природой, специфические виды самообеспечения — вроде оленеводства в тундре, охоты на морского зверя и т. п. Этнос может и должен защищать эти этноэкоценозы и имеет право в своей самозащите на помощь в поддержку государства, лидеры которого клянутся на мировых трибунах в своей приверженности общечеловеческим ценностям.

Даже применительно к государствам, действительно приближающимся к мононациональности, народ-государство и народ-этнос должны быть четко различимы. Но тем хуже пахнут намерения идеологов, поднимающих народ-этнос на политическую борьбу, сознавая, что он не мо-

жет по законам цивилизованного мира отвечать за дела, подобные сумгаитской бойне.

Для становления взгляда на этнос как на политический субъект были реальные основания. Пафос национальной государственности, охвативший Европу в прошлом столетии, а в нынешнем — перекинувшийся на другие части света, не случайно совпал с длительной эпохой всеохватывающего лихорадочного экономического роста. В эпоху роста общность культуры и языка работала на экономическую интеграцию территорий, и национальные государства явились той формой, в которой реальные признаки этноса служили посторонним его природе задачам развития регионов. Сейчас, когда Западная Европа, охваченная тягой к интеграции, все больше ощущает себя не как скопище посторонних друг другу на ноги национальных суверенитетов, а как «Европу отечества», которой она реально не была со времен Карла Великого, — для нас идеал Общего Дома пока еще и не маячит. За пафосом экономического укрепления национальных республик отчетливо стоят нерешенные, обостренные имперским планированием проблемы развития регионов, служащие важнейшим стимулом для обоих типов ключевых национальных конфликтов, а заодно и для третьего типа, будто явившегося из плумерской Месопотамии, который представляет побоище из-за пользования каналом на киргизско-таджикской границе.

В СССР ветер дует в сторону усиления политизации этносов. Но плывя по ветру и не пытаясь маневрировать, мы рискуем получить не новую федерацию, а старую Версальскую систему — с пограничными сколками и разъяренными меньшинствами — под именем одного государства. Любые меры, привлекающие внимание к уродству нашей территориально-иерархической лестницы народов, способные стимулировать взрыв на любом из ее пролетов.

Требуется, наоборот, деполитизация национальных отношений, решительное отделение их от проблем управления и власти. Необходим ряд шагов, направленных на ослабление обеих этатистских тенденций в национальном вопросе, а именно:

1. Важнейшей мерой должно стать официальное признание того факта, что СССР в настоящее время состоит из 15 исторически сложившихся **многонациональных** союзных республик, носящих имена самых многочисленных из своих коренных этносов. Констатация многонациональности каждой республики должна стать основой для рационального решения вопроса о ее государственном языке (или языках).

2. Для правового обеспечения декларируемого суверенитета союзных республик необходимо разработать конкретные процедуры, при посредстве которых республика может осуществить свое право на выход из Союза. Гарантируя подобное право, Конституция не обеспечивает его никакой последовательностью законных процедур — начиная, скажем, с голосования в Верховном Совете республики о проведении референдума и т. п. Это приводит к такому положению, когда любая постановка вопроса о выходе из Союза является одновременно законной по содержанию и незаконной процедурно. Это положение может быть использовано как моральное оправдание для действий, лежащих за пределами любых представлений о законности. Необходимо, чтобы деятели, поднимающие вопрос о выходе республики из Союза, четко представляли себе ответственность, которую они на себя берут, и те условия, при отсутствии которых их программа не получит политической силы.

3. Происходящая переоценка потенциала национально-культурных традиций для выработки форм социального и экологического баланса делает насущной задачей упрочение в масштабах Союза позиций всех этносов, вплоть до самых малочисленных, как **субъектов культурного творчества**. Тем самым намечается перспектива кардинального изменения отношений между центром и регионами. Ныне центр загружен хозяйственными проблемами,

а кризисы регионального развития выливаются в формы национальных движений. В ходе экономической реформы руководство экономикой во многом должно сместиться на региональный уровень, а центр должен стать гарантом культурной самореализации всех населяющих страну этносов, в том числе в формах **субрегиональных**, каковыми являются заповедные этнокоценозы, и **трансрегиональных**, таких, как землячества, культурные центры, учебные и научные учреждения этносов там, где они выступают как меньшинства.

Ныне, к сожалению, большинство экспертов-этнологов и лидеров национальных движений ловят в свои паруса по преимуществу охлократические веяния, пытаясь сначала словесно оформить смутные чаяния толпы, а потом постараться не обмануть ее ожиданий. Но парусник никогда не догонит ветра. Меж тем главная задача — додумать до конца то, что никогда не рефлектируется в массовом национальном движении.

Мы приходим к внешне парадоксальному выводу: попытки дезинтеграции опустылевшей всем имперской структуры на основе создания независимых государств-республик на деле приведут лишь к произвольным конвульсиям расчленяемого тела. Это может вызвать социальные бедствия, сопоставимые лишь с тем, что наша страна испытала в 1918—1922 гг. Новая целостность, хотим мы этого или не хотим, будет формироваться в прежних территориальных рамках. Единственный путь избежать насилия — это деэтнификация государственного устройства и деполитизация национальных отношений. Национальность должна стать частным делом гражданина, объектом его культурных, языковых и бытовых предпочтений. Дело политиков и экспертов — освобождение грядущего правового государства от великой лжи национальной идеи.

НАРОД — ЭТО КАЖДЫЙ

Владимир МИКУШЕВИЧ

Пожалуй, ни одно политическое движение после падения Гитлера не отваживается открыто выступать против демократии. Более того, едва ли возможно обнаружить в истории человечества режим, провозглашающий себя антинародным, и если понимать демократию по смыслу слова как народовластие, то под ее знаменем выступают политические противники, непримиримые во всем остальном. С одной стороны, это говорит о привлекательности демократии, но в то же время придает ей некоторую расплывчатость, превращает демократию в популярную метафору, приемлемую для всех. С древнейших времен признавалось, что глас народа — глас Божий; в новое время было сказано: «Народ безмолвствует». Между этими двумя истинами разыгрывается вечная драма демократии.

Ярче всего до сих пор характеризует эту драму трагическая судьба Сократа. Его ситуация не устаревает при всей своей древности или предполагаемой легендарности. Дело в том, что Сократ — жертва демократии, и его пример свидетельствует о болезненной коллизии внутри демократического общества. Сократ приговорен к смерти при бесспорном соблюдении своих гражданских прав, как бы во имя защиты этих прав. Обвинением подразумевается как раз презрение философа к демократии. Сократа никто не обвинял в заговоре или в призывах к насилию. Речь шла о безбожии молодежи. Казалось бы, безбожие и введение новых богов исключают друг друга, на что указывал сам Сократ, однако, обвинители были по-своему последовательны. Новым богом Сократа они считали его демона, то есть его совесть. Вот что, по их мнению, развращало молодежь. Сократ вводил в общественную

жизнь новую инстанцию — человеческую личность и ставил ее над самой демократией, что воспринималось как презрение к демократии. Короче говоря, Сократ был осужден за **инакомыслие**.

Всем известно, что Сократ выпил по приговору суда смертельную цикуту. Менее известна последующая участь его обвинителей, хотя она тоже поучительна. По преданию, Сократ был реабилитирован чуть ли не сразу же после смерти. Его обвинители были изгнаны, побиты камнями или покончили самоубийством. При этом приговор Сократу и его обвинителям исходил от одного и того же афинского народа.

Несколько столетий спустя в Иерусалиме Кайафа, обвинитель Иисуса Христа, сформулировал принцип, не только позволяющий, но и обязывающий уничтожать инакомыслящих во имя народа: **«Лучше пусть погибнет один человек, чем весь народ»**. Принцип этот получил впоследствии широчайшее распространение, хотя неясно, сколькими же единицами можно пожертвовать без ущерба для народа и, начиная с какого количества, сумма пожертвованных единиц сама становится народом. Народ в принципе принимается за непреложную, безоговорочную величину и тут же подменяется метафорой, как будто, жертвуя единицами, не жертвуют целым. В прошлом столетии Джакомо Леопарди писал, как избранные умы, неспособные осчастливить никого, забывая человека, берутся найти всеобщее блаженство, когда «многие печальны и все несчастны, а народ весел и счастлив».

Принцип Кайафы предопределил идеологию тоталитаризма. Тоталитарный режим называют антидемократическим после того, как он бывает свергнут, но пока тоталитарный режим функциони-

рует, его отношение с демократией далеко не так просто и однозначны. Английским консерваторам приписывается высказывание: «Фашизм — выродившаяся демократия». При этом, вероятно, имеется в виду победа национал-социализма в Германии, совершившаяся не в результате государственного переворота, а путем демократических выборов. Этот факт иногда используется и в нашей печати для того, чтобы предостеречь от «чрезмерной» демократии. Между тем именно Веймарская республика, предшествовавшая третьему рейху, служит удручающим примером демократии, отождествившей себя с политической метафорой.

Демократия была лишь провозглашена в Германии; она не только не стала образом жизни, но мало затронула даже образ мысли, не говоря уже об образе правления, приверженного прежним добротным бюрократическим шаблонам. В таких условиях легко было противопоставить одной метафоре другую: тоталитаризм как некую сверхдемократию, основанную на народной общности

История проливает новый свет на взаимодействие тоталитарных идеологий. Понятие «враг народа» и «народная общность» коренятся в разных культурно-исторических традициях. «Враг народа» исходит к воинствующему рационализму якобинского террора, а «народная общность» — иррационалистическое наитие, первоначально противостоявшее революционному просветительству. Тоталитаризм догматичен и прагматичен. Его интересует победа, а не правда. Поэтому он выявляет неожиданные тождества в идейных противоположностях. Тридцатые годы двадцатого века показали: народная общность подразумевается понятием «враг народа», а врагом народа по принципу Кайафы может оказаться каждый в отличие от всех, и прежде всего, тот, кто не признает этого принципа.

Нельзя отрицать: сторонники либерально-гуманистических идей были застигнуты врасплох принципом Кайафы в его модернизированном варианте. Их растерянность объясняется тем, что до известной степени они этот принцип

разделяли. И для них тоже народовластие было метафорой. Исстари народ сам собой разумелся и как бы не нуждался в правовых дефинициях, так что незаметно произошел сдвиг общественного сознания, сводящий народ к арифметическому большинству населения.

Либеральное благодушие не уловило опасности, грозящей человечеству от этого сдвига. Правда, Жан-Жак Руссо насторожился уже в восемнадцатом веке. Он первый выразил философское недоверие идее большинства, указав на то, что не только воля большинства, но даже воля всех (la volonté de tous) может не совпадать с общей волей (la volonté générale). Отсюда органическое несогласие Руссо с принципом народного представительства: «Чтобы можно было передать свои права выборному собранию, оно должно состоять из ангелов. Да и у них вырастут рога и когти, как только они примутся за управление людьми». Руссо предвидел, что вполне возможно антинародное большинство. Его прогноз подтвердился демократической процедурой, приведшей к власти Гитлера.

В 1936 году не где-нибудь, а в Берлине, одинокий, не слишком известный русский писатель Владимир Набоков написал новеллу-эссе «Истребление тиранов», где феномен тоталитарного вождизма раскрыт, на мой взгляд, смелее и глубже, чем в модных ныне вариациях вокруг бедного Сосо Джугашвили. У Набокова читаем: «И, наконец, закон, им поставленный, — неумолимая власть большинства, ежесекундные жертвы идолу большинства, — утратил всякий социологический смысл, ибо большинство это он».

Либерально-демократическая цивилизация пытается сочетать власть большинства со свободой меньшинства, достигая известных успехов в этом направлении. Но такое сочетание порождает новые антагонизмы. Когда та или иная социальная группа демонстративно подчеркивает свой статус меньшинства, ее законные права и, особенно, ее влияние начинают восприниматься остальными как привилегия. Так на страницах нашей печати мы уже встречаем скоропалительные выпады против

элитарных претензий интеллигенции (это прозвучало и с трибуны Съезда народных депутатов). И на Западе социально активному интеллектуальному меньшинству противопоставляется так называемое «молчаливое большинство», как правило, антилиберальное и латентно агрессивное. Действуют при этом, разумеется, не само молчаливое или моральное большинство, а некие его представители, нередко самозванные, то есть меньшинство по преимуществу. Такому меньшинству свойственны далеко идущие притязания, и оно склонно исподволь отрабатывать механизм перехода к авторитарным системам, которые, даже не прибегая к массовому уничтожению людей, оставляют опустошительный след в истории, о чем свидетельствуют режимы Салазара, Франко и Стресснера.

Само противопоставление большинства и меньшинства приобретает опасность напряженности, так как и меньшинство, и большинство готовы отождествить себя с народом, слишком доверяя своим представителям и превращая тем самым идею народовластия в политическую метафору. Народ не сводится к большинству и меньшинству; народ — это даже не все, народ — это каждый. Демократия — это не власть большинства и не просто свобода меньшинства, демократия — это власть каждого, а подобная власть немаловажна при отсутствии свободы. Таким образом, демократия — это единство власти и свободы.

Сразу же возникает вопрос о границах личной свободы. Недостаточен традиционный ответ, согласно которому свобода одного ограничена только свободой другого или других. Свобода неделима. Чужой свободы не бывает.

Позволительно предположить, что при такой свободе власть необязательна или является ее второстепенной функцией, но демократия, действительно, несовместима с анархией. Анархизм понимает свободу каждого как условие свободы всех, а демократия основывается именно на свободе каждого, при которой общая свобода — лишь формальное условие. Речь идет не о простой перестановке социальных слагаемых. Абстрактная свобода всех по-

требовала бы нивелировки, которая превзошла бы традиционные формы подавления. Анархизм лишен жизненного пространства. Он колеблется между прекраснодушной проповедью и разнуданным насилием.

Отвергая власть, анархизм исходит из архаического представления о ней как о власти одних над другими. Демократия иначе оценивает власть. Религия всегда учила, что в человеке не все человечески. В каждом из нас дремлет разрушительное, темное начало. Новейшие мыслители от маркиза де Сада до Зигмунда Фрейда исследовали бесчеловечное в человеке. В социальной жизни весьма ощутима вечная угроза или соблазн бесчеловечного, тем более опасного потому, что оно тоже сплывает в агрессивную стадность. Бесчеловечное может проявляться как в массах, так и в отдельных людях, и подавить его может только власть. Бесчеловечное детерминировано животным или даже звериным в человеке, оно по своей природе не свободно и направлено против свободы, так что, подавляя его, власть выступает именно как свобода. С этой точки зрения, демократию можно назвать социальным самообладанием.

Даже по отношению к бесчеловечному в человеке власть не только репрессивна. Она действительна лишь тогда, когда сохраняет свой созидательно-творческий характер. Трагедия человека заключается в том, что бесчеловечное переплетается с человечностью и одного от другого нельзя отсечь. Человеку приходится непрерывно восстанавливать единство своей личности, создавать самого себя, так что единство свободы и власти реализуется лишь в творчестве, охватывающем всю социально-трудовую деятельность человека. Власть без свободы впадает в аскетическую тиранию, свобода без власти — в самоубийственную вседозволенность. Назначение философии — давать различные определения личной свободы, сознавая, что исчерпывающее определение невозможно. Политика не заходит так далеко. Она оставляет за каждым право определять свободу по-своему, оберегая свободу каждого.

Установление подобной демократии не влечет за собой никаких сенсационных последствий. Решения все равно принимаются большинством голосов, но это большинство приобретает особое качество. Вообще, большинство большинству рознь. Представим себе, что в двух законодательных учреждениях на голосование поставлен закон о смертной казни, и в одном случае он был принят, а в другом отклонен численно одинаковым большинством голосов. Очевидно, что против смертной казни проголосовало демократическое большинство, а за смертную казнь — антидемократическое, так как смертная казнь несовместима с демократией, понимаемой как свобода каждого, что означает незаменимую ценность каждого. Признавая в принципе **власть каждого**, общество начинает медленно, но верно меняться к лучшему.

В этой связи определенные сомнения вызывает лозунг «учиться демократии». Демократия — это не доктрина и не теория, это социальная практика общества. Учиться демократии можно только на практике, то есть в условиях самой демократии. Подготовительный курс демократии обесценивает ее идею и отдельные социальные улучшения. Нечто подобное произошло в России после реформы 1861 года. Либеральные новшества как бы запаздывали и не принимались обществом всерьез, что и завершилось революцией 1905 года. Аналогичная ситуация возникла у нас в двадцатые годы, когда новая экономическая политика оставалась экономической, не становясь собственно политикой, что привело к раскрестьяниванию крестьянства и к репрессиям трид-

цатых годов. Демократия — непрерывное совершенствование общественных институтов, и нет народа, который не созрел бы для нее.

Демократия не сулит человеку рая на земле. Она скорее даже подчеркивает несправимый трагизм человеческой жизни и смерти. Исторический опыт показывает, однако, что замалчивание этого трагизма наносит человеку неизмеримо худший ущерб. Демократия исключает замалчивание болезненных проблем. Инакомыслие не является преступлением в демократическом обществе, так как его закон — разномыслие. Разномыслие предпочтительнее плюрализма, так как плюрализм — всего-навсего терпимость к чужому мнению, а терпимость бывает и репрессивной, когда не запрещают высказываться, но отказываются выслушать. Демократия ценит разные мнения, потому что только в них раскрывается неисчерпаемая сложность действительности, не всегда благоприятной для человека. Какое-нибудь одно мнение может оказаться сигналом, от которого зависит спасение человечества.

Демократия старается сделать невозможной ситуацию Кассандры. Сожроте дане убеждались в том, что ее пророчества верны лишь тогда, когда они сбывались и было уже поздно. Власть каждого означает не что иное как свободу убеждать. Когда такая свобода реально существует, большинство голосов перерастает в свидетельство убедительности, в подтверждение правоты, а демократия превращается из политической метафоры в метод решения, которому в общественной жизни нет альтернативы.

Революции с кнутом

А. ПАНТИН

Наше время называют по-разному. Я бы рискнул назвать его временем встречи с историей собственной и всемирной. Встреча эта откладывалась много десятилетий, и не без причин: не так-то легко встречаться с подлинной историей, вглядываться в нее и выдерживать ее взгляд. Встреча с историей — это встреча с самими собой. Это относится не только к профессиональным историкам, но и ко всем нам, ибо как заметил Курт Воннегут: «Человеческая история — читай и плачь». Российская и мировая история переплетены подчас парадоксально и, казалось бы, взаимоисключающе: во все самые «замкнутые» периоды своей истории Россия была вынуждена реагировать на происходящие в мире сдвиги, а то, что происходило в России, благодаря ее положению в Европе и Азии, сказывалось на развитии других стран. Потому-то миру не все равно, как мы смотрим и будем смотреть на собственную историю.

В нашей истории много болевых точек. Среди них вопрос о цене прогресса в российских условиях, проблема старая, но актуальная вновь как никогда. Почему бурный, казалось бы, прогресс в нашей истории неоднократно сменялся глубоким застоєм? Или: «Россия, кровью умытая...» Почему же умывалась она так часто кровью и до каких пор умываться ею?

За вечно возрождающимися спорами славянофилов и западников реально стоит проблема уникальности прогресса в истории государства Российского, где не раз самобытное развитие сталкивалось с внезапным противотоком, требовавшим крутых насильственных перемен. Таким возмущением была причина, за которой стояло утверждение иного типа землевладения, «революция Петра I», вздыбившая Русь,

контрреформы Александра III в 1880-е годы, направившие экономическое и политическое развитие России по руслу индустриализации «сверху», первая мировая война, давшая толчок военномонаполистической системе хозяйства. Усиливая роль власти, все эти повороты подавляли естественное складывание рынка, развитие товарно-денежных отношений и формирование самостоятельного предпринимательского слоя. Осуществляя избирательное заимствование и пересадку «передовых» форм чиновничьей и военной организации, власть насаждала прогресс насильственным путем, в условиях иного, по сравнению с Западной Европой, хозяйства и строя жизни. Товарное хозяйство, торговля, деньги появились на Руси со времен варягов, но их более глубокому развитию препятствовала какая-то «стена»: этой стеной было наличие мощного, в своей основе натурального, уклада хозяйства и связанной с ним государственной власти, допускаящей товарно-денежные отношения на периферию, используя их для собственного укрепления и роста. Эти ограниченные, связанные по рукам и ногам элементы рынка (включая и иностранных купцов и российское купечество) не могли глубоко преобразовать натуральную, нетоварную по сути систему. Преуспевавшие купцы вплоть до конца XIX века могли обеспечить свою независимость только одним способом: стать землевладельцами и, желательнее, дворянами. Наиболее удачливые так и поступали, а накопленные деньги оседали в виде предметов роскоши, дорогого оружия, усадеб и храмов. Жизнь и привычки большинства народа, крестьянства на протяжении веков почти не менялись — прогресс обслуживал в основном верхние этажи государственной машины.

После Петра I Россия выглядела европейским государством. Высшее сословие сбрило бороды и научилось заграничным манерам, но в глубине и в «глубинке» это был совершенно иной строй жизни. Европейские формы, рожденные развивающимся в Западной Европе капиталом, приобретали в России иной характер и смысл. Мануфактуры основывались на труде крепостных крестьян, и «предприниматели» принуждались и опекались казной (ибо, как объяснялось в петровском указе 1724 года, «всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут»). Железные дороги, заводы и фабрики строились либо непосредственно казной, либо с помощью казенных субсидий, выкачанных из крестьянства в виде повинностей, податей, платежей; политические свободы и права личности воспринимались как заморские чудачества; развитие культуры, просвещения приводило к формированию узких и тонких слоев дворянской и позднее разночинной интеллигенции, обладавших высокой культурой, но тем более оторванных от основной массы народа. В условиях России с ее колоссальным чиновничьим аппаратом «модернизация» оборачивалась гнетом для крестьянства вынужденного в буквальном смысле тащить на себе и мануфактуры, и фабрики, и железные дороги. Недаром Карл Маркс говорил о «мнимой цивилизации» в России после Петра I.

Все это нужно учитывать не для того, чтобы «очернить» или «обелить» свою историю, а для того, чтобы ответить на вопрос: почему в истории России развитие шло не столько с помощью реформ, сколько путем «революций сверху», бесчеловечных и кровавых?

Рано обретая статус великой державы, Россия в качестве таковой вынуждена была реагировать на сдвиги в мировой политике и мировом хозяйстве — но внутри нее продолжала господствовать власть, основанная на полупатриархальном жизненном укладе, сопротивляющемся переменам. Между тем включенность в мировое развитие диктует выбор между переменами — либо стагнацией, кризисом и развалом

государства. Поэтому реакция власти на изменения и сдвиги в мире оборачивалась для России катастрофическими «революциями сверху» — будь то царствование Ивана Грозного, преобразования Петра I или же менее удачные попытки «казарменных революций» Павла I и Николая I. Решая задачу модернизации государственного аппарата и армии, эти «революции сверху», не изменяя принципиально фундамента, надстраивали над ним все новые и новые «этажи».

Такой прогресс всегда брался за кнут, сталкиваясь с независимым поведением личностей и социальных групп. Традиция прогресса путем кровавых «революций сверху» обернулась полной монополией власти в экономике, политике и общественной жизни, которая составляет суть системы, утвердившейся в 1930-х годах: безжалостного аппарата изменений, использующего людей, целые социальные группы и народы как «материал» и убирающего их, как только они сыграли свою роль в сценарии.

Но этого мало. После каждой «революции сверху», после всех жертв неизбежно наступает очередная «застойная» эпоха, ведущая к глубинному кризису: после опричнины эпохи Ивана Грозного наступает Смута, после «революции» Петра I — господство временщиков, после казармы Николая I — крымская катастрофа. Несмотря на огромные усилия и огромные жертвы, страна отстает с каждым разом все сильнее. Это неизбежно, поскольку «революции сверху» мешают образованию механизма глубоких и органических изменений — соответствующей подвижной экономической организации в виде развитого рынка, гражданского общества, основанного на демократии и плюрализме, правовой организации и др. Прогресс путем «революций сверху» не только тяжел, мучителен и кровав — он в конечном счете не эффективен. Окаменевшая иллюзия управления ходом истории по заранее намеченному плану лишена оснований. После каждой «революции сверху» обнаруживается, что ее творцы более, чем кто-либо, подчинялись действию слепой, стихийно возникшей волны, ко-

торой никто не управлял. Обратной стороной было подавление и расхищение деятельности большинства народа, пребывавшего в «спячке» до кризиса, пробуждаясь в критические эпохи, когда нужно было спасать разваливавшуюся державу и физическое существование народа ценой пролития рек крови, — то есть самым тяжелым, мучительным, стихийным образом. И сейчас нам снова грозит катастрофический «перелом». В нашей истории глубоко угнездился цикл: частичные реформы — кризис — «революция сверху» — застой. Допустить еще один такой цикл значит обречь себя на катастрофу гло-

бальную, которая не столь уж не вероятна. Одна из ключевых задач сейчас — найти формы преобразования глубоко укоренившейся монополии власти во всех областях жизни и тех экономических, политических, культурных, психологических и иных структур, которые ее создают.

Конечно, цена исторического прогресса в России — одна линия нашей сложной истории, один ее «нерв». Необходимо целостное изучение всей нашей истории для понимания своеобразия каждого из ее периодов и для преодоления накопившейся в нас самих исторической инерции.

В МОСКВЕ, НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

«И вот тело Ленина выставили в домике под названием «Мавзолей», — хотя вдова его, по слухам, которые дошли до чегемцев, была против, — проходят годы и годы, кости его просятся в землю, но их не предадут земле».

Лариса ЛИСЮТКИНА

Фазиль ИСКАНДЕР

Москва — столица СССР. Красная площадь — центр Москвы. А Мавзолей — сердце Красной площади. В сокровенных же глубинах этого сердца страны — гроб с мумией мертвого человека. Правда, принято говорить, что он не умер, а «вечно живой».

Стоит ли заводить разговор на столь трудную тему? Травмировать тех, кто наверняка уже из-за заглавия возмутится: «Ну, ничего святого!» Реакция такого рода у части наших сограждан неизбежна, но что делать — вопрос уже прозвучал, тема поставлена, и как бы ни наказывали ведущих программы «Взгляд» за «непочтительное» отношение к святыне, мысль заработала полным ходом. На вопросы надо попытаться дать ответы. Фазиль Искандер и Михаил Шатров первыми решительно высказались о спорности такого способа увековечения памяти ос-

нователя нашего государства, как бальзамирование. Руководители ЦТ открепиваются от сюжета, посвященного Мавзолею, а ведь в нем затронута реальная проблема, касающаяся каждого гражданина нашей страны и во многом определяющая ее образ в мировом общественном мнении.

Нам всем стоит задуматься над тем, о чем говорят с самых высоких трибун: о необходимости в процессе перестройки не только создать эффективную экономику и правовое государство, но и стать **цивилизрованными людьми**. Что же сейчас нам мешает считать себя таковыми? Многое, наверно. Но раз уж вопрос стоит таким образом, то давайте честно и без обид еще раз бросим взгляд на наши главные святыни. Многие из них сейчас стремительно развенчаны, и люди болезненно переживают возникший вакуум.

Главное, однако, — тот неоспоримый факт, что не только в дореволюционной России, но и нигде в европейском мире, возникшем на базе христианской цивилизации, никогда символическим центром государства не являлась могила, и тем более натуралистически забальзамированный труп.

Разумеется, во всех государствах есть почитаемые народом могилы. В том же Париже есть Пантеон, но есть и стена коммунаров — многие чтят разных героев, разные традиции в истории своей страны. О поклонении могилам русских царей в Петропавловской крепости или же в Архангельском соборе московского Кремля ничего неизвестно, хотя их надгробия — иногда пышные, иногда скромные — сохранились до наших дней.

«Что случилось с русскими?» — с горечью и недоумением вопрошали земляки Фазиля Искандера, узнав, что Ленин не похоронен, а выставлен в гробу на всеобщее обозрение. Вопрос законный, но его не задают вслух. Никто не попытался найти объяснение парадоксальному факту: революция, претендовавшая на тотальное обновление мира, и ее вожди, провозгласившие себя непримиримыми врагами религии, возродили практику мумификации, от которой общество отказалось как минимум шесть тысяч лет назад.

Притязание на абсолютное обновление мира составляет суть радикальной революционной теории. В этом ее сходство с религиозными верованиями, которые провозглашают разрыв с предшествующим грешным миром и сулят своим последователям в качестве вознаграждения спасение души. Пафос Октябрьской революции был направлен не только против политической системы или же экономической основы русского царизма, но и против веками складывающегося типа социокультурных отношений, в принципе тождественных типу цивилизации, модели исторического развития в ее целостности. «Мы наш, мы новый мир построим» — это не литературная метафора. Это буквальное представление о происходящем тех, кто был втянут в революционный процесс на стороне победившей революции. Первое условие пост-

роения «нового мира» известно — «отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». В пылу революционных боев массы воодушевлены энтузиазмом, их вожди — революционной теорией. Никто не боится разрушать, никто не задает себе вопрос о том, насколько возможен демонтаж культуры без возврата к докультурному состоянию, к архаике, к варварству.

Но культура не сводится только к искусству и художественному творчеству. Культура — это вырабатываемый веками способ сосуществования индивида и общности, обеспечивающий их сохранность. Именно этой цели служат религиозные, этические и юридические нормы поведения и запреты, первейшим из которых является запрет на убийство. О степени зрелости той или иной цивилизации, об уровне ее развития свидетельствует, наряду с другими признаками, допускаемый в ее рамках диапазон нарушений принципа «не убий» — войны, смертная казнь, жертвоприношения, кровная месть и другие известные в истории легальные убийства. Чем шире спектр допущенных убийств, тем ниже гуманистический ранг цивилизации.

Классическая европейская революция — нидерландская, английская, Великая французская — прошли как бы два этапа в общественном мнении просвещенных современников и их потомков: сначала старый режим своими преступлениями и несоответствием задачам прогресса оттолкнул от себя все общество, его «покинули все — и простолудины, и принцы крови» (по словам Алексиса де Токвиля, одного из самых авторитетных исследователей феномена революции). Но затем «цена революции», ее неразборчивость в уничтожении и сторонников, и противников, вселила ужас перед революционным радикализмом, и «проигранного» однажды сценария революционного разрушения оказалось достаточно для создания в Западной Европе устойчивых либерально-реформистских традиций. Они оказали мощное сопротивление самой популярной идее XX века — идее революционного переустройства мира. В России такого «иммунитета» не было, и здесь революционное разрушение приняло чудовищные формы.

В романах А. Платонова «Котлован» и «Чевенгур» дан портрет массового сознания той эпохи, когда самым обычным социальным действием становится убийство. В центре внимания А. Платонова не сам акт убийства — оно описывается отстраненно и холодно, как, очевидно, и воспринимали его действующие лица исторической драмы — а слоем культурных механизмов запрета на убийство. Платоновские Дон-Кихоты революции сеют вокруг себя смерть, а в их сознании эта страшная реальность преобразуется в залог всеобщего блага и вечной жизни. Герой «Чевенгура» верит, что его Дульсинея — «девушка Роза Люксембург, убитая мировой буржуазией» — воскреснет под магическим воздействием его революционной страсти. Чем больше он убивает, тем нужнее становится ему эта вера — на ней держится теперь его личность.

«Мысль о сохранении тела В. И. Ленина возникла в самой гуще народных масс, — пишет профессор Б. И. Збарский, второй по значению человек после харьковского патологоанатома В. П. Воробьева, входивший в состав бригады по забальзамированию трупа вождя. — Особо настойчивые просьбы поступали с периферии. Группа киевских железнодорожников просит: «Немедленно поручить соответствующим специалистам разработку вопроса о сохранении тела дорогого Владимира Ильича на тысячи лет». Учащиеся из Ростова-на-Дону пишут: «Схоронить в земле не редкость, а сохранить на много лет, вот что может сделать только коммунистическая партия». Еще одно требование: «Тело Ильича не предавать земле, а забальзамировать и поместить в центральный музей; этим самым рабочие будущих веков будут иметь возможность видеть вождя пролетариата».

Нам сейчас, более полувека спустя, трудно найти адекватное отношение к этим человеческим документам той эпохи. Они действительно без труда вписываются в романы А. Платонова. Персонажи «Котлована» и «Чевенгура» настолько выбиты из всех норм и рамок, что даже самые основные культурные ритуалы, сопутствующие рождению, вступлению в брак, погребению — даже

эти «опорные конструкции» человеческой общности для них утратили значение. Прорвав все сдерживающие платины, из глубин подсознания на поверхность хлынула архаика. Только так «в самой гуще народных масс» могла возникнуть чудовищная идея забальзамировать вождя и «поместить в центральный музей». Страшно подумать, какого рода еще предложения содержались в письмах из глубинки, если даже просвещенные и попидавшие мир соратники покойного не содрогнулись при мысли о том, каково будет его вдове жить бок о бок с его забальзамированным трупом? Н. К. Крупская, как известно, протестовала против такого натуралистического увековечения памяти своего мужа, но ведь известно и другое: преемник неоднократно грозил строптивой женщине «назначить Ленину другую вдову».

Бывала ли Н. К. Крупская в Мавзолее? Стояла ли рядом с саркофагом, в котором «как живой» лежит выставленный напоказ труп ее мужа? Такой сцены не найти ни в одном фильме ужасов Жизнь богаче любой фантазии. Можно ли придумать, например, такое: «В январе 1944 года «Известия» сообщили, что учеными получен целый ряд новых улучшений в состоянии тела Ленина»? Оказывается, чем дальше, тем лучше, — вот это оптимизм!

С. О. Хан-Магомедов, искусствовед, посвятивший свое исследование истории создания Мавзолея и его архитектуры, попытался подойти к проблеме не с позиций шаблонной патетики, а в контексте истории культуры.

«В прошлом размеры и величие мемориальных сооружений, в том числе и мавзолеев, отражали не столько роль того или иного исторического деятеля или отношение к нему современников, сколько его социальное положение в обществе», — пишет С. О. Хан-Магомедов. Добавим к этому: они отражали еще и тип общества, его идеологию и систему ценностей. Что говорит о нас в этом ракурсе «наш» Мавзолей?

Практически все мавзолеи прошлого построены «для себя», так сказать, будущими покойниками, озобоченными своей посмертной славой. Для потомков и наследников они являлись поста-

ментом своего собственного социального статуса, обоснованием политической власти. Мавзолей Ленина — исключение. Он был построен без его согласия и вопреки воле его жены. Кому же он был нужен? Разумеется, что в первую очередь — его душеприказчикам, одолеваемым идеей насилия. Мавзолей — постамент Большого Террора, более того — фундамент «новой культуры», в которой смерть как бы отрицается. На эту тему нет ни научных исследований, ни художественных произведений. Это табу необходимо потому, что никогда, за исключением, может быть, больших эпидемий чумы в Западной Европе, смерть не вторгалась так властно в жизнь, не переплеталась с ней так тесно.

Символ мнимого бессмертия был нужен как оправдание и обоснование уничтожения миллионов людей, нужен обеим сторонам — и тем, кто уничтожал, и тем, кого уничтожали. Как бы кощунственно это ни звучало, но между жертвами и палачами в тот страшный период существовал консенсус, согласие относительно смысла происходящего. Как иначе объяснить, что периодически они менялись местами, что вообще террор мог существовать как целая эпоха — без малого 30 лет — и породить «остаточный отблеск» еще на 30 лет, и еще не известно, как дальше повернется кормило нашей истории...

Посмертные злоключения «отца народов» И. В. Сталина — его «селение» и «выселение» из Мавзолея — способствовали всеобщему отрезвлению: появились хлесткие анекдоты, едва поспевавшие вдогонку за каскадом сиятельных групп первой половины 80-х годов. Консенсус смерти, подготовленный скепсисом и разочарованием в 60—70-е годы, стал стремительно сдавать позиции в 80-е. Мы видим множество признаков этого процесса. Но есть и другие симптомы.

Ежегодно Мавзолей Ленина посещает до 2,5 млн. человек. Каждый день — до 12 тысяч, а по воскресеньям — до 15 тысяч. С 1924 года Мавзолей посетило свыше 100 млн. человек!

Никто никогда не проводил социологического изучения феномена Мавзолея. А жаль. Давно назрели вопросы, ответы на которые должна дать «государственная очередь № 1». Сколько в ней москвичей и сколько приезжих? Каков процент организованных посещений? Какой возраст преобладает? Сколько в среднем люди стоят в очереди? Есть ли сезонные (или иные периодические) наплывы и спады в посещениях? И, конечно, самый сакраментальный вопрос: почему вы сюда идете?

До сих пор Мавзолей был реально работающим храмом. Народная тропа не заросла к нему и по сей день. Но вопрос в том, что происходит в душах и в головах посетителей? Есть ли у сегодняшнего гостя столицы, отстоявшего после всех очередей за колбасой, водкой, детскими колготками, еще и шесть часов к Ленину, тот пиетет и то религиозное упоение, которое испытывали в течение многих десятилетий его отцы и деды?

Соорудив Мавзолей, мы как бы поймали в ловушку самих себя. Сотворить кумир много легче, чем от него избавиться. Понимая сейчас всю глубину краха культуры, выразившуюся в феномене Мавзолея, мы понимаем и другое: за то время, которое мы шли к этому осознанию, Мавзолей стал связующим центром ритуального гражданского поведения в рамках нового культурного консенсуса. Неосторожная, резкая секуляризация Мавзолея может повлечь за собой непредсказуемые последствия, подобные тем, которые сопутствовали его возникновению.

В культуре нельзя ничего ломать, тем более святыню. Не стоит нам быть прилежными учениками революции, варварски вышвыривавшей из православных храмов мощи и реликвии, а затем соорудившей свое собственное первобытное капище. Но если мы хотим включиться в цивилизованное человеческое сообщество, то нам придется честно и мужественно сказать, что такое Мавзолей и как к нему относиться.

Война и мир в СССР:

цель и концепция

Борьба за мир, миротворческая деятельность у всех на устах. Не проходит дня, чтобы пресса не извещала о нескольких антивоенных и иных мирозащитных акциях в СССР; шапка «народной дипломатии» венчает самые разнообразные турне и визиты. Но где и кто действительные миротворцы у нас, в СССР? Каковы критерии истинно умиротворяющей, ненасильственной — и реально снижающей уровень насилия в обществе — активности? Это остается неясным, несмотря на растущее число организаций, объявляющих себя сторонниками мира. И одновременно растет число «горячих точек» в республиках нашей страны, и уже примелькался глаз читателя к «малой крови» — десяткам жертв — реагируя лишь на сотни...

Читатели нашего журнала, вероятно, уже привыкли, что мы ставим перед ними эти вопросы все более заостренно, требуя решительного общественного и политического выбора в пользу мира — как ненасильственного пути решения любых проблем, мира как презумпции ненасилия. Публикуемые ниже письма и документы не подготовлены редакцией. Они — свидетельство идущего в умах граждан поиска концепции гражданского мира. Мира, исключающего путь насилия и гражданской войны навсегда.

Штампы гражданской войны

А. ДРОБЫШЕВ
(Омск)

Вспыхнувшая после Октябрьской революции гражданская война, едва закончившись, вскоре была возрождена Сталиным в омерзительной форме побоища. Если война предполагает вооруженное противоборство сил, то побоище — это одностороннее массовое насилие государственной власти против собственного народа. Коллективизация, индустриализация, массовые репрессии, со-

здание лагерной экономики, гибель людей от голода и жизнь на грани голода — вот составные части этой картины. Только физические жертвы тут исчисляются десятками миллионов человек.

Результатом этой «структурной гражданской войны» явился замордованный народ и общество, погруженное в состояние едва ли не полного паралича.

Перестройка — это последний исторический шанс установления гражданского мира, так как созидательные силы народа находятся на грани необратимой деградации. Гражданский мир представляет собой такое состояние общества, в котором надежно защищены от произвола права и свободы личности, свободно функционируют социальные интересы, равнодействующая которых образует вектор общего интереса, объединяющего людей и придающего динамизм общественному развитию.

Между тем, слишком многие привыкли либо корыстно приспособились именно к гражданской войне. Они все еще не могут отрешиться от образа внутреннего врага. Он чудится им во всем, что свидетельствует о возрождении чести и достоинства трудящегося человека, неравнодушная его к делам общества, повышения социальной активности масс.

Образ этого врага все более фокусируется на интеллигенции. Ее порою прямо стремятся противопоставить другим классам и слоям трудящихся. Это проявляется в рассуждениях о необходимости на выборах в Советы предоставлять «квоту для рабочих», «законодательно гарантировать представительство рабочих и крестьян», о том, что «профессор не будет защищать интересы шахтера».

Традиция здесь давнишняя. Еще на XII Всероссийской партийной конференции в 1922 году была принята резолюция, которая выражала «классовое» недоверие ко всей «буржуазной интеллигенции». Рекомендовалось не допускать ее в различные советские, общественные и кооперативные организации. К интеллигенции предусматривалось применение репрессий, «диктуемых революционной целесообразностью». Не подорвало ли это творческие возможности народа и не здесь ли одна из причин нашего сегодняшнего положения? Ведь именно интеллигенция отражает интеллектуальный потенциал общества, наиболее чувствительна к его болям и нуждам, способнее других к их теоретическому осмыслению.

Многих пугает перспектива установления гражданского мира. Им чудится в нем разрушение «принципов», которыми

они «не могут поступиться». А ведь это принципы гражданской войны! На апрельском (1989 года) Пленуме ЦК КПСС некоторые выступления напоминали сводки с фронтов тяжелых политических битв. Нагнетались страсти. Открыто ренимировался печально известный тезис об обострении классовый борьбы, что свидетельствует об активности и силе его сегодняшних сторонников.

Утверждалось, что «оппозиционные, антисоветские силы», «выползшая на улицы накипь» решили нанести удар по перестройке, «стремятся к захвату власти, к свержению советской власти и свержению партии». «Настал час, — заявил А. Р. Х. Везиров, — призвать рабочий класс, крестьянство, передовую интеллигенцию решительно встать на защиту социализма...». В этом заявления нельзя не обратить внимание на стремление расколоть классы и слои трудящихся, найти классового врага. Рабочий класс и крестьянство в полном составе зачисляются в сторонников социализма, а интеллигенция подразделяется на «передовую» и, видимо, отсталую, от которой и следует защищать социализм.

Воинствующая нетерпимость проявилась и на съезде Советов. Выступления многих депутатов по-хулигански заглужались. Депутат А. Самсонов предложил даже создать суд депутатской чести (наподобие суда офицерской чести) как своего рода чистилище. Он должен «воспитывать» депутатов, сеющих, по его мнению, крамолу, имеющих мнение, отличное от мнения большинства. И многие ему аплодировали! Аплодировали генералу Родионову, который оправдывал применение вооруженной силы против женщин.

Таков уровень нашей демократической культуры. Она все еще серьезно отягчена штампами десятилетиями дивившейся гражданской войны. И сегодня многим кажется недопустимым вольнодумством мысль Вольтера: «Мне ненавистны ваши убеждения, но я отдаю жизнь, чтобы вы смогли их высказать».

Гражданский мир — это раскрепощенный в многообразии проявлений социального творчества человек. Этот путь не гарантирован от издержек и ошибок. Просто нам надо решить, что более при-

емлемо: издержки тоталитаризма либо исторического творчества масс? И если мы решились на второе, то не надо паниковать по поводу обнаруженного в обществе разномыслия — оно неизбежно.

Широкая демократизация общества предполагает не только плюрализм мнений, но, видимо, невозможна без идеологического и политического плюрализма. Исторический опыт свидетельствует, что при его отсутствии нигде не достигалось устойчивое развитие общества и благоденствие народа. Тем не менее раздаются голоса, что тот, кто рассуждает о таком плюрализме и его необходимости в нашем обществе, тем самым ставит себя вне партии. Это глубокое заблуждение, потому что плюрализм необходим прежде всего самой партии.

Признавая важность плюрализма в сфере надстройки, следует признать, что основу гражданского мира составляет экономический плюрализм. Он представляет собой параллельное развитие многообразных форм и видов собственности, что расширяет сферу выбора, повышает экономическую независимость и меру ответственности человека.

Утверждение экономического плюрализма требует отрешиться от вьевшихся в наше сознание стереотипов. Наиболее

прочным из них является резко отрицательное отношение к частной собственности как исчадию всех зол. Такое представление соответствует крайне неразвитому состоянию общественного производства. Накопленный на сегодня мировой опыт расходится с ним.

Прошедшие десятилетия должны были убедить нас, что быть собственником, выполнять функции собственника и нести за это всю полноту ответственности — это большой и сложный общественно-полезный труд, даже если собственность является частной. Он должен соответствующим образом вознаграждаться, ибо когда собственность лишается собственника, она становится ничейной, со всеми вытекающими, знакомыми нам, последствиями.

Мы слишком долго жили верой в прогрессивность государственной формы собственности, которую рассматривали в качестве единственной подлинной основы социализма. Веру всегда больно и трудно терять. Но нельзя больше тратить время, силы и средства на попытки реанимировать давно агонизирующее чудовище, ставшее таким именно по причине абсолютизации его роли в обществе.

Хотим ли мы классовой борьбы?

Сергей БЕЛАНОВСКИЙ,
(Москва)

Для того, чтобы быть конструктивным, обсуждение актуальных общественных проблем должно основываться на оценочно-нейтральных терминах и концепциях. В связи с этим я считаю, что слова «социализм» и «капитализм» должны быть исключены из лексикона как бессмысленные и предвзятые. Оба указанных слова сформировались в прошлом не как научные термины, а как орудие пропаганды, которое социалистические группировки использовали для ниспровержения существующего общественного порядка. Для конструктивного обсуждения наблевших общественных

проблем указанные термины и базирующиеся на них концепции являются непригодными. Особо следует указать на то, что современные западные общества неправомерно называть «капитализмом», поскольку они не являются обществами, в которых политическая власть исключительно принадлежит классу предпринимателей («капиталистов»).

Во всех модификациях социалистического мировоззрения неясность их конструктивной части сочетается с деструктивной и разрушительной ориентацией по отношению к любому реально существующему на Земле общественному по-

рядку. Указанная деструктивная ориентация находит свое выражение в **классовом подходе** к анализу общественных проблем и в стремлении разрушить существующее общественное устройство путем развязывания классовой войны. Если расовые и националистические идеологи раскалывают человечество «по вертикали», то есть по государственным и этническим границам, то социалистические идеологи стремятся расколоть человечество «по горизонтали», нагнетая конфликт между социальными слоями общества. В качестве иллюстрации можно привести слова из известного пролетарского гимна:

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей —
Для нас все так же солнце станет
Сиять «огнем своих лучей».

В советских учебниках по общественным наукам курсивом выделена фраза о том, что в социалистическом обществе (то есть в СССР) возникновение классового конфликта является невозможным. Сегодня этот тезис напоминает беспомощное шаманское заклинание, которое не в состоянии остановить нарастающий поток забастовок. В задачу данного материала не входит анализ реально существующих в нашей стране классовых конфликтов. Отметим лишь, что их эмоциональный (или, так сказать, энергетический) потенциал очень высок и быстро нарастает. Наряду с объективно ухудшающимися условиями жизни инициатором и катализатором этого процесса является социалистическая идеология.

Еще в 50-е годы югославский диссидент Милован Джилас написал книгу под названием «Новый класс», в которой, исходя из марксистских предпосылок, сделал простой логический шаг, объявив, что так называемые «социалистические» общества (Югославия и страны советского блока) по своей сути являются трансформированной формой капитализма, и управленческая структура этих обществ представляет собой «новый эксплуататорский класс», аналогичный классу капиталистов на Западе. Взгляды, аналогичные взглядам Джиласа, в настоящее время приобрели широкое распространение в среде

социалистически ориентированных неформалов и в обществе в целом.

Парадокс советского общества заключается в том, что долгие годы его социальная стабильность обеспечивалась насильственным вдалбливанием в сознание людей революционной социалистической идеологии. Теперь, когда элементы этой идеологии достаточно укрепились в общественном сознании, остается сделать лишь небольшой логический шаг, чтобы обратить содержащийся в ней деструктивный заряд против реально существующей в СССР же общественной системы! Этот шаг, как показывают данные собеседований, ныне способен сделать практически каждый.

В беседах с «неформалами» я по меньшей мере трижды услышал от людей, не знакомых с работой Джиласа, четко сформулированную мысль о том, что «с точки зрения марксизма», управляющий класс советского общества («бюрократы») по своей классовой сути ничем не отличается от капиталистов-эксплуататоров на Западе. В менее теоретической форме, то есть без использования марксистской терминологии, эта мысль была высказана почти всеми опрошенными неформалами. Показательно такое ретроспективное высказывание одного сорокалетнего «неформала»: «Пока я был марксистом, я был революционером. Когда я перестал быть марксистом, я перестал быть революционером».

Переключение заряда идеологической ненависти, адресованного западным «капиталистам», на советских «бюрократов» в сознании советского населения имеет, по-видимому, давние корни, однако, в настоящее время этот процесс быстро идет по нарастающей. Даже не располагая точными количественными данными, усиление классового озлобления легко заметить по разговорам в очередях, на работе и в других общественных местах.

Для того, чтобы выжить, то есть избежать «грозящей катастрофы», стране необходимо не нагнетание классовых конфликтов, как это утверждается в советских учебниках по общественным наукам, а **классовый мир**. Необходимым условием обеспечения классового мира является радикальный отказ от социали-

стической идеологии. Общественная опасность социалистической идеологии пока что мало кем осознается в нашей стране, но от этого данная опасность не становится менее реальной. В частности, работники партийных и государственных органов, склонные делить возникшие неформальные политические объединения на «плохие» и «хорошие» и, к «хорошим» причисляя социалистов, по-видимому, не понимают, что тем самым они способствуют концентрации народной ненависти на самих себе. Аналогично ученые-обществоведы, разделяя население страны на «сторонников» и «противников» перестройки, очевидно, не осознают, что тем самым способствуют разжиганию классового конфликта.

Неэффективность экономики и любые неприглядные действия тех или иных «бюрократов» не являются основанием для зачисления профессиональных групп управленцев в состав «классовых вра-

гов» или «противников перестройки». Управленческие работники действуют в СССР в рамках «правил хозяйственной игры», навязанных стране Сталиным. Выход из сложившейся ситуации видится не в бессмысленном нагнетании классовой ненависти, а в изменении указанных правил с тем, чтобы сегодняшние «бюрократы» и «торгаши» реализовали свои навыки и способности с пользой для общества.

Думается, что высшее политическое руководство страны в настоящий момент гораздо лучше, чем многие ученые-обществоведы, осознает связь между социалистическим мировоззрением и обострением классовых конфликтов. Не случайно в последних выступлениях М. С. Горбачева классовая терминология стала употребляться гораздо реже, но зато неоднократно прозвучал обращенный к аудитории вопрос: «Зачем же раскалывать страну?»

Неформалы против насилия

Из декларации Конфедерации
анархо-синдикалистов
от 1 мая 1989 года
(Москва)

Мы призываем все общественные движения заявить о том, что они считают клевету и насилие недопустимыми способами достижения своих целей.

Мы придерживаемся различных политических взглядов, религиозных и философских убеждений, идем неодинаковым путем к несходным целям, но независимо от этого убеждены, что дух диалога и терпимости к инакомыслию, дух открытых дискуссий — одно из важнейших достижений перестройки.

Нам кажется, что пора сделать вывод из десятилетий предшествующего развития и понять, что политическое насилие несет только разрушительные последствия. Развязывая его, мы приведем нашу страну к катастрофе.

К сожалению, средства массовой информации и самодеятельная печать слишком часто вольно или невольно распро-

страняют необъективную, а иногда и клеветническую информацию об общественных движениях, что неизбежно провоцирует произвол. Если это не встретит отпора, то Сумгаит и Тбилиси будут повторяться, а число политзаключенных увеличиваться. Единственный выход — утверждение доверия и морально-политической атмосферы нетерпимости к клевете и насилию.

Невозможно и не нужно совместное политическое действие — слишком различны мы все, но в одном необходимо единство — клевета, насилие, произвол гибельны для всех.

Поэтому мы предлагаем всем независимым политическим организациям и изданиям присоединиться к следующему соглашению.

Мы, независимые политические организации,

— принципиально считаем недопустимым использовать насилие как метод разрешения социальных, политических, национальных и идеологических конфликтов и никогда не применяли, не применяем сейчас и не будем применять впоследствии насилия друг против друга, против отдельных граждан;

— отвергаем клеветнические измышления против любой организации или

издания о стремлении или призывах к насилию и готовы оказывать друг другу помощь в разоблачении клеветы;

— обязуемся доводить до сведения своих членов и читателей наших изданий версию организации обо всех проведенных ею мероприятиях, получивших необъективное освещение в официальной печати, что не исключает возможности комментирования.

Концепция миротворчества

Евгений МЕДРЕШ
(Харьков)

Слово «борьба» и производные от него прочно вошли в лексикон советского человека. И если в бытовом плане самой характерной нашей особенностью является стояние в очереди, то в плане общественно-политическом, безусловно, борьба. Если мы не стоим в очередях, значит, мы боремся — решительно, беззаветно.

В том числе — за мир. До самого последнего времени мы боролись громко, с размахом, но без особого разнообразия в формах. Для нас, рядовых борцов, все ограничивалось возможностью горячо одобрить нашу внутреннюю и внешнюю политику и гневно осудить политику «ишнюю». А еще — сдавать деньги в Фонд мира, где они, боюсь, планировались как совершенно определенная часть госбюджета, что-то вроде косвенного налога. Возникло несколько своеобразных организаций (упоминавшийся Фонд мира, Советский комитет защиты мира, некоторые другие), штатные сотрудники которых сделали борьбу за мир своей профессией и стали получать за нее зарплату.

Нет смысла вновь доказывать, что подобная деятельность могла лишь привести (и привела!) к результатам, обратным декларируемым. Пресловутая «борьба», служившая еще одним подтверждением лояльности по отношению к власти предрержащим, была частью официального идеологического церемониала и к миротворчеству отношения не имела. Даже в

безгласные годы для большинства людей не было секретом, что наша «миролюбивая внешняя политика» была таковой в основном на словах. Советский Союз на деле являлся активным участником гонок вооружений и одним из крупнейших поставщиков оружия в другие страны.

В пылу нашей борьбы мы замечали в глазу «классового противника» самый разнокалиберный мусор, и в то же время молча сносили дома засекреченность и неподконтрольность народу всех вопросов, относящихся к военной и внешнеполитической сферам: вторжение в Афганистан, рост деморализации в Советской Армии и многое другое.

Так нужны ли вообще организации типа нашего Комитета защиты мира и могут ли они сделать что-нибудь реальное и полезное для дела мира, помимо фабрикациии весьма малоценной отчетности, а также оплаты сомнительных зарубежных турне своих функционеров и некоторых других допущенных товарищей? Полагаю — и нужны, и могут. Но на принципиально иной основе.

Восточная мудрость учит: «Для того, чтобы изменить мир — измени самого себя». Этот принцип, как представляется, должен стать ключевым в деятельности обновленного СКЗМ и иных подобных организаций. Мы можем сформировать несколько направлений, работа по которым, очевидно, будет плодотворной.

Необходимо выработать механизм общественного контроля над деятельностью

государства и его органов, имея в виду прежде всего армию, юстицию, спецслужбы, определяющие порядок коммуникации и контактов между людьми и народами, внешнеполитическое ведомство. Только таким образом мы сможем предотвратить в будущем «единодушные» решения, о которых народ с ужасом узнает на следующий (в лучшем случае!) день.

Необходимо расширить практику общественных дискуссий и референдумов по важнейшим отечественным и глобальным проблемам, при этом освещать их ход с помощью средств информации, а результаты представлять на рассмотрение в органы государственной власти для принятия решений.

Необходимо разрушить недоверие и предубеждение по отношению к нашей стране, разрушить стереотип авторитарного управляемого государства с безгласным, ко всему готовым народом.

Миротворческое движение призвано всемерно содействовать утверждению полноценной демократии и гуманистических идеалов в нашем обществе, его необратимой десталинизации. На этой платформе возможна и желательна консолидация самых различных объединений, движений и инициатив, для которых общим знаменателем будет достижение гар-

монии между человеком и человечеством, человеком и миром.

Экология. Здесь, как и в других направлениях деятельности, задача заключается в выработке общественного механизма противостояния гибельному варварству по отношению к природе, зависимой частью которой мы являемся.

И последнее. Каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Каждая культура движется к тому исходу, которое определяется уровнем развития ее носителей. Поэтому любые задачи миротворческого движения могут быть решены только через целенаправленную работу в области образования и культуры. Нужен комплекс инициатив и подходов с целью воспитания адогматичного, ненасильственного сознания. В частности, речь может идти о введении соответствующих гуманитарных курсов в систему среднего и высшего образования, создании общественных исследовательских, информационно-образовательных структур и т. д.

Я сотрудничаю в молодежной секции Харьковского областного отделения КЗМ. В настоящее время мы создаем координационный центр (или ассоциацию) различных общественно-политических клубов и организаций на платформе миротворчества, содействия выживанию и развитию человечества.

От сверхдержавы — к рядовому государству

Алексей ПАНКИН
(Москва)

Я позволю себе набросать более широкий контекст тех обсуждений, которые мы, деловые люди, политики и деятели культуры, сегодня ведем.

Зададим себе вопрос: как могла Россия, разоренная мировой войной и войной гражданской, охватившей всю ее территорию и расколовшей народ, страна крестьянская, патриархальная, неграмотная превратиться в великую

державу, обладающую сферой влияния, распространяющейся чуть ли не на все части света? Есть простые объяснения: громадная территория, стратегическое положение, природные ресурсы, наконец, то, что Россия с XVIII века — мировая держава. Но это скорее условия, сделавшие такую трансформацию возможной, но никак ее не гарантировавшие. В конце концов, мало ли

в истории примеров, когда мощные и развитые страны не выдерживали выпадавших на их долю потрясений и деградировали? Так что должно быть и какое-то иное, более глубинное объяснение.

Я думаю, здесь трудно что-то объяснить без понимания фактора идеологии. Эта идеология была интернационалистской и мессианской, целью ее было содействие распространению коммунизма на весь остальной мир. С самого своего рождения перед государством стояли одновременно две казалось бы взаимоисключающие задачи — выживание как государства и как строя во враждебном окружении и, одновременно, стремление победить в мировом масштабе. Эти аспекты идеологии стали мощным сплачивающим общество фактором. Без них трудно понять, почему страна делала такие успехи, скажем, в тяжелой промышленности, определявшей тогда экономический потенциал государства, тянулась к ее передовым рубежам.

Правда, уже тогда ускорение естественного развития вело к чудовищным перекосам и деформациям разного рода — в той же экономике, в социальной жизни, в политической сфере. Взятая на себя государством миссия, очевидно, проходила в противоречие с реальностями, поскольку же отказался от миссии было невозможно, методы ее осуществления становились все более зверскими.

И все-таки в межвоенный период претензии на мессианство отнюдь не выглядели бесосновательными. Первые послереволюционные годы — период революционных брожений в Западной Европе, формирование Коминтерна, коммунистического движения, ставшего достаточно заметной силой в европейских странах. Влияние Советской России вышло за пределы ее границ и за рамки собственно коммунистических партий. В конце 20-х годов капитализм вступил в полосу кризисного развития. Европу и Америку постиг тяжелый экономический кризис, наметился и кризис либеральной демократии. В этих условиях Советский Союз, делавший успехи в области экономики, выглядевший

обществом энтузиастов, объединенных великой целью, все чаще воспринимался как реальная альтернатива капитализму не только коммунистами, но и в других кругах, в частности, влиятельной либеральной интеллигенцией.

Сотрясаемый конвульсиями капиталистический мир дискредитировал себя в их глазах, а в тех условиях СССР был реально единственной альтернативной моделью новой жизни. Перед лицом фашизма, в условиях отсутствия выбора, начинали работать защитные механизмы сознания, заставлявшие закрывать глаза или оправдывать все то, что происходило в Советском Союзе. Влияние СССР в тот период значительно превосходило его экономический вес.

Важным шагом на пути к превращению СССР в сверхдержаву стали итоги второй мировой войны. Скажем, образование полноценной советской сферы влияния в Восточной Европе, нравится это кому-то или нет, было закономерным результатом войны. Невозможно взвесить на аптекарских весах, что тут было важнее: геостратегические соображения, выразившиеся во вполне понятном желании создать буферную зону на пути вторжения, стремление содействовать распространению социализма или тяга Сталина к величию, но в каком-то сочетании все эти факторы ответственны за то, что тогдашний Советский Союз вел себя именно так, как он вел себя, и едва ли мог поступать иначе.

Превращение СССР в сверхдержаву стало фатально неизбежным с изобретением атомного оружия. Приобретя Бомбу американцы фактически обрекли и нас на ее создание. Тем самым сверхдержавность СССР была закреплена последней, запредельной, апокалиптической мощью, с избытком компенсирующей отсутствие или недостаток квалификации для этой роли по иным параметрам. В дальнейшем, что бы ни происходило, как бы ни менялась идеология, ее привлекательность в мире, мы были как бы вморожены в статус сверхдержавы. Кроме того, вполне естественно, что сталинская модель развития, характеризующаяся высокой мобилизационной способностью,

видимыми успехами в быстром решении проблем отсталости, стала поначалу образцом для многих развивающихся государств. Развивающиеся страны примеривали на себя наш путь, видели сходство своих задач с теми, что стояли перед Россией в 1917 году,— пробежать длинный путь за короткий период...

СССР, практически, не мог не стать экономическим и военным резервом деколонизации и части развивающихся государств, источником политической и моральной поддержки их. В результате, его сфера влияния превратилась в глобальную.

Короче говоря, я хочу сказать, что где-то с 1917 года до середины 70-х годов весь пафос нашей идеологии, вся логика видения мира коммунистами, характер взаимоотношений с другой системой с железной неотвратимостью выдвинул далеко не самую развитую страну мира в число сверхдержав. По объективным критериям мы не имели средств быть сверхдержавой, однако, мы и не могли не стать ею. В противном случае, это была бы и другая идеология, и другое общество, и другое время.

И только сейчас мы начинаем осознавать, что факторы, заставившие СССР быть сверхдержавой, утратили свое значение. И то, что некогда было реальным достижением, превратилось для нас в обузу. На это масса причин. Созданы огромные вооруженные силы. Войны тем временем вообще перестали быть рациональной альтернативой. И от угрозы серьезной агрессии извне сейчас практически можно абстрагироваться.

В соревновании двух систем мы настолько отстали, что перестали быть конкурентом Западу. Более того, мировое развитие пошло такими сложными и причудливыми маршрутами, оно настолько многовариантно, что сама идея соревнования, кажется, на глазах устаревает. И кто смотрит на СССР как на модель развития, которую стоило бы копировать?

Мы оказались в центре глобальной сферы влияния, в которой явно налицо центробежные тенденции, которая все больше смотрит на Запад, а не на Восток. Серьезные кризисные явления поразили так или иначе социалистические страны Восточной Европы. Социалистическая ориентация не дала ни особо успешных примеров развития в третьем мире, ни одной новой индустриальной страны.

Наши особые отношения с иными из этих стран подобны субсидированию убыточных предприятий. Сохранение таких отношений явно подрывает нашу собственную способность к развитию, а нередко компрометирует нас политически и морально.

Короче говоря, если до определенных пределов стремление нашей страны играть великую мировую роль было вынужденным и, при всех издержках, стимулирующим развитие, то сегодня причины для того, чтобы мы оставались сверхдержавой, отпали. Это можно сформулировать даже парадоксально: наше положение в мире сегодня достаточно устойчиво, чтобы мы больше не ставили перед собой непосильных задач, а обрели, наконец, тот темп, который должен быть присущ обществу нашего уровня развития.

УВАЖЕНИЕ К МЕНЬШИНСТВАМ— УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ МИРА

Послание Его Святейшества
Папы Римского Иоанна Павла II
по случаю XXII Всемирного
Дня мира 1 января 1989 года

Послание Папы Иоанна-Павла II о положении национальных меньшинств находится в нашем распоряжении с начала года — и поначалу мы не собирались его публиковать. К несчастью, именно 1989 год оказался временем острейших столкновений на национальной почве, годом погромов и беженцев, и тяжелейшая доля в этих драмах — у людей, вдруг оказавшихся чужими на своей земле. Нет «меньшинств» — есть люди: мужчины, женщины, дети. Их права неприкосновенны, как права человека вообще. Мы все еще не умеем заступиться за них, войти в их положение. Послушаем тех, кто умеет.

1. «Течение, которое, начиная с XIX столетия, распространилось повсеместно и укрепились, привело к тому, что люди, принадлежащие к одному народу, стремятся к независимости и объединению в одно сообщество. Поскольку, по разным причинам, это не всегда можно осуществить, поскольку менее многочисленные национальные группы часто проживают на территории государства, принадлежащего другому народу, что создает очень серьезные проблемы» (Энциклика, *Pacem in feris*, 111, 94).

Таким образом мой Предшественник Иоанн XXIII двадцать пять лет тому назад указал на одну из наиболее деликатных проблем современного общества, которая с течением времени становится все более жгучей, ибо с ней тесно связана как организация общественной и государственной жизни внутри каждой страны, так и жизнь международного сообщества.

Стремясь избрать наиболее подходящую тему к XXII Всемирному Дню Мира, я пришел к выводу, что следует представить на совместное обсуждение тему меньшинства: мы знаем, что — как установил II Ватиканский Собор — «мир — это не просто отсутствие войны, и он не сводится лишь к состоянию равновесия противостоящих друг другу сил» (Церковная конституция, *Gaudium et spes*, 78), мир — это процесс, в котором должны приниматься во внимание все факторы, способствующие сохранению мира или вызывающие его нарушение.

Не подлежит сомнению, что в настоящий момент — момент ослабления международной напряженности, которое было достигнуто путем соглашений и переговоров, что позволяет предвидеть возможность принятия решений в пользу народов, являющихся жертвой кровавых конфликтов, проблема меньшинств приобретает боль-

шое значение и поэтому становится предметом самого пристального внимания каждого политического руководителя, каждого руководителя религиозной группы, всех людей доброй воли.

2. Почти во всех обществах в настоящее время имеются меньшинства, как сообщества, возникшие на основе различных культурных традиций, отличающиеся расовой или этнической принадлежностью, религиозными верованиями или историческим опытом; происхождение одних из них уходит корнями в глубокую древность, другие же возникли сравнительно недавно. Они живут в столь различных условиях, что почти невозможно показать их в полной мере. С одной стороны, имеются очень небольшие группы, которые способны сохранять и подтверждать свою самобытность, отличающиеся высокой степенью интеграции с обществами, в которые они входят. В некоторых случаях эти группы, составляющие меньшинство, даже в состоянии навязать большинству свое преобладание в общественной жизни. С другой стороны, существуют меньшинства, которые не пользуются никаким влиянием, не используют полностью свои права, а, наоборот, живут в страданиях и бедности. Это может привести их либо к состоянию пассивного примирения с судьбой, либо вызвать возмущение и даже бунт. Однако ни пассивность, ни насилие не являются тем путем, который ведет к истинному миру.

Некоторые меньшинства объединяет еще и другой опыт: изоляция или отеснение на другой план. Если даже правда то, что иногда какая-то группа добровольно выбирает жизнь в изоляции для сохранения собственной культуры, то все-таки чаще случается так, что меньшинства наталкиваются на барьеры, которые отгораживают их от остальной части общества. В связи с этим, в то время как меньшинство склоняется к замкнутости, большинство общества может занять позицию отвержения всей этой группы или от-

дельных ее членов. В таком случае эти группы или отдельные их члены не в состоянии творчески и активно участвовать в построении мира, основанного на признании закономерности различий.

Основные принципы

3. Если мы говорим об отличающихся друг от друга группах людей, объединенных в рамках государства, то существуют два всеобщих принципа, которые не могут быть нарушены и которые, что значительно более важно, должны быть положены в основу любого социального организма.

Первым признаком является неотъемлемость достоинства каждого человека, независимо от его расовой, этнической, культурной или национальной принадлежности и его вероисповедания. Ни одна человеческая личность не существует сама для себя, свое наиболее полное выражение она получает в соотношении с другими людьми. То же самое можно сказать и о группах людей. Ведь они также имеют право на коллективное самосознание, и это право должно быть гарантировано так, как этого требует достоинство отдельных членов каждой группы. Это право остается неизменным также и в том случае, когда данная группа или кто-либо из ее членов совершает действия, направленные против общего блага. В этом случае предполагаемое недопустимое действие должно быть исследовано компетентными властями, но при этом не должна подвергаться осуждению вся группа, так как это противоречит понятию справедливости. В свою очередь представители меньшинства обязаны относиться к другим людям с таким же уважением и также признавать достоинство их личности.

Второй принцип относится к исходному единству человеческого рода, происходящего от единого Бога Творца, который, говоря языком Библии, «от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли» (Деяния апостолов, 17,

26). Единство человеческого рода предполагает, что все человечество, поднявшись выше существующих этнических, национальных, культурных и религиозных различий, должно создать свободное от дискриминации по национальному признаку общество, стремящееся ко всеобщей солидарности. Это единство также требует, чтобы многообразие членов семьи человеческой вместо того, чтобы быть причиной разъединения людей, должно служить укреплению их общности.

Долг обязывает признавать многообразие и заботиться о его сохранении не только государство или группы людей. Каждый человек, как член единой семьи человеческой, должен понимать и уважать ценность разнообразия среди людей и направлять его на общее благо. Открытый и разумный подход, цель которого состоит в глубоком ознакомлении с культурным наследием меньшинств, с которыми мы соприкасаемся, будет способствовать отказу от подхода с позиций предубежденности, что затрудняет установление здоровых общественных отношений. Речь здесь идет о длительном постоянном процессе, поскольку подобный подход с позиций предубежденности слишком часто возрождается в новых формах.

Мир внутри единой семьи человеческой требует конструктивного развития того, что является нашим отличительным признаком как отдельной личности и как народа, того, что определяет нашу самобытность. С другой стороны, этот мир требует от всех общественных групп, имеющих собственную государственность или лишенных ее, готовности внести свой вклад в построение мира на всей Земле. Микросообщество и макросообщество объединяют взаимные права и обязанности, соблюдение и выполнение которых способствует укреплению мира.

Права и обязанности меньшинств

4. Одной из целей правового государства является признание равного достоинства всех граждан и их равенства перед законом. Тем не менее, од-

нако, существование внутри государства различных групп меньшинств создает проблему их специфических прав и обязанностей.

Много таких прав и обязанностей относится именно к области взаимоотношений групп, составляющих меньшинства, и государства. В некоторых случаях нормы взаимоотношений кодифицированы, и меньшинства пользуются особой правовой защитой. Однако даже там, где государство обеспечивает такую защиту, меньшинства сталкиваются с фактической дискриминацией и изоляцией: в таких случаях государство обязано защищать и поддерживать права меньшинств, тем более, что мир и внутренняя безопасность могут быть гарантированы только при условии уважения прав всех тех, кто находится под юрисдикцией государства.

5. Первым правом меньшинства является право на жизнь. Это право может нарушаться самыми различными способами, вплоть до крайних случаев, когда оно отрицается прямыми или косвенными формами геноцида. Право на жизнь, как таковое, неотъемлемо, и государство, которое применяет или допускает действия, угрожающие жизни своих граждан, принадлежащих к меньшинствам, нарушает основной закон регулирующий общественный порядок.

6. Угроза праву на существование может принимать также более завуалированную форму. Некоторые народы, особенно те, которые называются автохтонами или аборигенами, всегда находились в особой зависимости от своей земли, что связано с чувством их самосознания, с их племенными, культурными и религиозными традициями. Когда аборигенов лишают их земель, они теряют жизненно важный элемент своего существования и перед ними встает опасность исчезновения как отдельного народа.

7. Другим правом, которое должно соблюдаться, является право меньшинства на сохранение и развитие собственной культуры. Часто встречаются случаи, когда культура меньшинства находится под угрозой исчезновения. Тем более, что в некоторых местах

приняты законы, отказывающие им в праве пользоваться родным языком. Иногда в принудительном порядке изменяются фамилии и географические названия. Наблюдается пренебрежительное отношение к художественному и литературному творчеству меньшинств, в общественной жизни не находится места для проведения их праздников и торжеств, что может привести к утрате богатого культурного наследия. С этим правом связано право на поддержание контактов с родственными в культурном и историческом отношениях группами, проживающими на территории других государств.

8. О праве на свободу вероисповедания я скажу здесь очень коротко, поскольку оно было темой моего Послания ко Всемирному Дню Мира в прошлом году. Это право принадлежит не только отдельной личности, но и всем религиозным сообществам, и включает в себя свободное проявление религиозных убеждений как в жизни каждого, так и в жизни всех. Отсюда следует, что религиозным меньшинствам должна быть обеспечена возможность совместно отправлять свои религиозные культы по собственным обрядам. Им также должна быть предоставлена возможность получать религиозное образование путем соответствующего обучения и предоставления необходимых средств для этого.

Кроме того, очень важно, чтобы государство гарантировало и эффективно поддерживало защиту религиозных свобод, особенно там, где наряду с преобладающим большинством людей одного определенного вероисповедания имеется группа или несколько групп меньшинств, исповедующих другую веру.

Религиозным меньшинствам должна быть также гарантирована соответствующая свобода обмена и контактов с другими сообществами, как в рамках своей собственной национальной среды, так и вне ее.

9. Основные права человека в настоящее время гарантируются различными документами международного и внутрисубъективного характера. Однако даже самые действенные право-

вые меры недостаточны для того, чтобы преодолеть глубоко укоренившиеся предрассудки и недоверие, ликвидировать недоброжелательство, ведущее к прямым действиям, направленным против отдельных представителей групп меньшинств. Перевод правовых норм на язык форм поведения — это очень медленный и длительный процесс, особенно в том, что касается изменения подобных предрассудков и недоверия. Это не означает, однако, что можно замедлить деятельность в этом направлении. Не только государство, но и каждый человек обязаны сделать все возможное для достижения этой цели. В то же время государство может сыграть важную роль в поддержании развития культурных инициатив и обмена, облегчающих взаимопонимание, а также в создании программ воспитания молодежи в духе уважения к другим народам и искоренении всех предрассудков, вызванных чаще всего невежеством. Серьезная ответственность ложится, кроме того, на родителей, поскольку дети учатся многому, наблюдая за их поведением, и склонны наследовать отношение родителей к другим народам и группам.

Не подлежит сомнению, что развитие культуры, основанной на уважении к другим людям и культурам, весьма существенно для построения миролюбивого общества, но, к сожалению, также несомненно, что на практике проявление такого уважения наталкивается в настоящее время на многие трудности.

По сути дела государство должно проявлять заботу о том, чтобы не возникали новые формы дискриминации, например, при подыскании жилья или работы. Следует с признательностью отметить, что действия властей в этой области часто дополняются великодушными инициативами добровольных обществ, религиозных организаций, людей доброй воли, которые пытаются смягчить напряженность и обеспечить большую социальную справедливость, помогая многим братьям и сестрам найти работу и достойное жилище.

10. Сложные проблемы возникают тогда, когда какая-либо группа, состав-

ляющая меньшинство, заявляет о своих претензиях, имеющих далеко идущие политические последствия. Иногда такая группа стремится к государственной независимости или хотя бы к большей политической автономии.

Я хотел бы еще раз заявить, что в подобных болезненных ситуациях путь, ведущий к достижению мира, должен быть только путем диалога и переговоров. Готовность сторон к диалогу и к пониманию доводов другой стороны является необходимым условием достижения правильного решения сложных проблем, которые могут быть серьезной угрозой поддержанию мира. Отказ же от диалога может привести к насилию.

В некоторых конфликтных ситуациях террористические группы без должных к тому оснований претендуют на исключительное право выступать от имени меньшинства, лишая тем самым эти меньшинства возможности свободно, открыто и безбоязненно выбирать собственных представителей и искать соответствующие решения. Здесь следует еще добавить, что члены этого рода объединений слишком часто страдают от актов насилия, которые незаконно совершаются от их имени.

Пусть прислушаются к моему голосу те, кто вступил на бесчеловечный путь терроризма: удары вслепую, убийство невинных или кровавая месть не способствуют справедливой оценке требований возврата погранных прав, которые предъявляются группами меньшинств, от имени и в пользу которых они якобы действуют (срв. Энциклику *Sollicitudo rei socialis*, 4).

11. Каждое право влечет за собой соответствующие ему обязанности. Также и на членах групп, составляющих меньшинство, лежат обязанности по отношению к обществу и государству, в котором они живут, и прежде всего, как и на всех остальных гражданах, обязанность сотрудничать во имя общего блага. Меньшинства должны вносить свой особый вклад в создание на Земле миролюбивого сообщества, которое включало бы в себя богатейшее разнообразие всех ее жителей.

Во-вторых, группа, составляющая меньшинство, обязана признавать свободу и достоинство каждого из своих членов и уважать выбор, сделанный личностью, даже в том случае, когда кто-либо из ее членов решит принять культуру большинства.

В случаях же действительного проявления несправедливости группы эмигрантов могут принять на себя обязанность потребовать уважения законных прав своих соплеменников, подвергающихся гонениям на своей родине и лишенных там возможности свободно высказывать свои взгляды. Однако в таких случаях следует очень внимательно вникнуть в обстоятельства дела и тщательно их изучить, особенно тогда, когда невозможно получить объективные сведения об условиях жизни данного общества.

Все члены групп меньшинств, где бы они ни находились, должны разумно оценивать обоснованность своих требований в свете исторического развития и современной действительности. Без такой оценки они рискуют стать пленниками прошлого без перспектив на будущее.

Дабы построить мир на Земле

12. Из всего вышесказанного вырисовывается картина более справедливого и миролюбивого общества, к созданию которого мы все должны всеми силами стремиться. Осуществление этой цели требует активных действий не только для ликвидации явных проявлений дискриминации, но также и всех тех барьеров, которые разделяют отдельные группы. Правилom здесь должно стать примирение в справедливости, признающее законность стремлений каждого из членов сообщества. Прежде всего и во всем сила терпеливого стремления к мирному сосуществованию воплощается в любви, простирающейся на все народы. Такая любовь может выражаться в бесчисленных формах конкретных дел служения во имя богатейшего разнообразия рода человеческого, который един как по происхождению, так и по предназначению.

Возрастающее понимание положения меньшинств, которое мы видим сегодня на всех уровнях, является в наше время символом определенной надежды для новых поколений и для устремлений этих меньшинств. И действительно, уважение, которое им оказывается, можно в известной мере признать пробным камнем согласного общественного сосуществования и показателем гражданской зрелости, достигнутой данным государством и его учреждениями. В истинно демократическом обществе обеспечение меньшинству участия в общественной жизни является признаком передовой гражданственности, и это делает честь тем народам, у которых всем гражданам гарантировано такое участие в атмосфере действительной свободы.

13. В заключение я хочу особо обратиться к моим сестрам и братьям во Христе. Мы все, независимо от нашего этнического происхождения и места жительства, знаем, благодаря вере, что через Христа «и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе, поскольку мы «свои Богу» (срв. Послание к Ефесянам, 2, 18—19). Как члены одной Божией семьи мы не можем согласиться на то, чтобы внутри нас существовали разделы или дискриминация.

Посылая своего Сына на землю, Отец доверил ему миссию всеобщего спасения. Иисус затем и пришел, чтобы «все имели жизнь и имели в избытке» (срв. Евангелие от Иоанна, 10, 10). Ни один человек и ни одна группа людей не могут остаться вне этой доверенной нам миссии объединяющей любви. Также и мы должны молиться простыми и высокими словами, сказанными Христом накануне страданий: «Как Ты, Отче, во мне, и я в Тебе, как и они будут в Нас едино» (Евангелие от Иоанна, 17, 21).

Такая молитва должна быть программой нашей жизни, должна быть на-

шим свидетельством, поскольку мы как христиане признаем общего Отца, который равно относится ко всем, «любит прищельца и дает ему хлеб и одежду» (Второзаконие, 10, 18).

14. Когда Католическая церковь говорит о дискриминации вообще или, как в настоящем Послании, конкретно о дискриминации меньшинств, она обращается прежде всего к своим верным, независимо от их положения в данном обществе или от степени их ответственности. Точно так же, как не может быть места дискриминации в Церкви, так и ни один христианин не может сознательно призывать к созданию или поддержке таких структур или позиций, которые отделяют личность от других людей, группу людей от других групп. Это же поучение мы обращаем ко всем тем, кто прибегает к насилию или поддерживает его.

15. Заканчивая, я хочу сказать о моей духовной связи с теми членами групп меньшинств, которые переносят страдания. Мне знакома их боль и мотивы их законной гордости. Я молюсь о том, чтобы страдания, которые они сейчас переносят, окончились как можно скорее и чтобы они, обретя безопасность, могли бы найти утешение в своих правах. Со своей стороны, я обращаюсь к вам с призывом вознести молитву, чтобы мир, к которому мы стремимся, все более приближался к истинному миру, покоящемуся на «краеугольном камне», которым является сам Иисус Христос (срв. Послание к Ефесянам, 2, 20—22).

Бог да благословит всех даром своего мира и своей любви.

Ватикан, 8 декабря 1988 г.

Иоанн ПАВЕЛ II, папа Римский

Перевела с польского Галина Ковалева.

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ С ЦРУ

Беседа с сотрудником Радио «Свобода»
Джовом ТЕДСТРОМОМ

— Джон, скажите, чем занимаетесь в Москве вы, американец, сотрудник радио «Свобода», которое, как известно каждому советскому человеку, существует на деньги ЦРУ?

— Я и двое моих коллег представляем радио «Свобода» на международной встрече «Советский Союз в 1990-х», которая организована газетой «Интернэшнл геральд трибюн», «Экономической газетой» и Торгово-промышленной палатой СССР. Это первый официальный визит «Свободы» в СССР. В настоящее время «Свободу» финансирует Конгресс США, который выделяет деньги на иновещание Управлению международного вещания (Борд ов интернэшнл бродкастинг), а оно часть денег выделяет нам, компании «Радио Свобода — Свободная Европа».

«Свобода» — это не только радиовещательный отдел, куда поступают известия от корреспондентов, но еще и научно-исследовательский центр, где работаю я. Как специалист по советской экономике, я счастлив работать на «Свободу»: ее научно-исследовательский отдел по СССР лучший на Западе.

— Чем вас, молодого американца, привлекла советская экономика?

— В вашем обществе столько непостижимого для обыкновенного человека с Запада. Разобраться во всем этом казалось мне привлекательным, и я выбрал самое трудное — экономику.

— И вам, иностранцу, бывающему в СССР лишь наездами, удается понять что-либо из того, что делается у нас?!

— Сначала я прошел курс марксизма-ленинизма, который меня бесконечно заинтриговал. Выучил русский. Это очень помогло мне в дальнейшей работе: мы изучаем, наверное, всю совет-

скую прессу, включая местную и специальные издания: 90 процентов исследований основаны на советских информационных источниках. Изучение советских первоисточников, советское радио и телевидение, беседы с людьми, посещающими Запад, информация об СССР западных журналистов, мнения советских и западных специалистов — все это дает нам довольно точную картину ситуации в СССР. Мы соотносим официальные заявления правительства с тем, что происходит на самом деле.

— Поделитесь же с нами нашей же государственной тайной: существует ли на правительственном уровне экономической сценарий перестройки?

— Мне кажется, консенсуса в виде, куда идти, у вас нет ни на каком уровне. Фундаментальные положения экономической реформы выглядят как пожелания: больше дешевых товаров высокого качества по низким ценам, каждой советской семье — квартиру, хорошие дороги — Нечерноземью... Но какое экономическое чудо позволит получить все это и как его достичь — вот роковая проблема, которая сотрясает самые основы вашей экономической системы в том виде, в котором она существует сегодня. Вы позволяете себе роскошь непоследовательности: сперва приняв революционный Закон о кооперации в СССР — проглатываете одно за другим постановления Совета Министров СССР, налагающие фактическое вето на развитие кооперации. Логика таких действий остается тайной и для меня, и для вас самих.

— Но, может быть, все оттого, что правительство игнорирует мнение ученых-экономистов, или сами экономисты не умеют объяснить правительству, что делать?

— Мне кажется, беда советских экономистов в том, что они все еще пытаются и упорствуют в желании помочь правительству, вместо того, чтобы решать реальные проблемы. Ни Госплан, ни Госснаб, ни Госкомцен не контролируют сложившуюся экономическую систему, точно так же, как и министерства не владеют ситуацией на предприятиях. Но и сами ученые ничему не могут правительство научить. Советские экономисты — высокообразованные люди, их теоретические построения и объемистые труды заслуживают всяческого уважения, но, большей частью, они не имеют представления о том, что происходит на низовом уровне экономики. И никто не знает, что нужно предпринять немедленно. Ваши экономисты как бы в разводе с обществом, которое они пытаются изменить. У советских ученых великие идеи, но они не умеют перевести их в документы, которые имели бы экономическое и политическое значение. Я читаю советскую прессу — и не вижу никого, чья позиция могла бы серьезно поколебать экономическую систему.

— Но в СССР уже родились такие идеи, как территориальный хозрасчет, аренда предприятий, кооперация, мы приступаем к конверсии военной экономики.

— Ни одна из этих идей не панацея, к тому же они плохо увязаны друг с другом. Территориальный хозрасчет может привести к опасному осложнению национальных проблем, изоляции наций и ослаблению государства. Хозрасчетные модели госпредприятий в их теперешнем виде являются просто новой хитроумной системой учета. Сокращение военных расходов, безусловно, оздоровит экономику, но особых надежд на рост производства потребительских товаров вследствие конверсии военных предприятий я не испытываю. Даже журнал «Коммунист» признает, что производство в оборонном секторе не намного эффективнее, чем в гражданском: та же государственная плановая система, но еще более жесткая. И я подозреваю, что профес-

сионалы системы оборонной промышленности мало чувствительны к потребительскому спросу.

Просто чудо, что кооперативное движение выжило, несмотря на нескончаемые запреты, налоги и контроль. Мне кажется, кооперативы пора уравнивать в правах с государственными предприятиями (в том числе и в снабжении, хотя это невероятно трудно) и хотя бы на время предоставить самим себе. Пусть люди сами, без нажимов и окриков сверху, попробуют освоиться в ситуации. Пусть рискуют, пусть разоряются, пусть обогащаются. Нужен режим наибольшего благоприятствования для создания совместных предприятий между кооперативами и иносфирмами, между кооперативами различных регионов страны. Они могут иметь огромное уравнивающее значение для экономик союзных республик. Если изменить структуру импорта — ввозить не машины и запчасти, которые ржавеют под открытым небом, не дождавшись использования, а хорошие товары для всех — у людей появится стимул хорошо работать и зарабатывать.

Проблема советской экономики в том, что она должна стать частью мировой экономической системы, основанной на персональной активности. И только в этих условиях сработает даже небольшой привлеченный иностранный капитал, который вам так необходим. А при существующих экономических отношениях драгоценные станки, самые совершенные западные технологии, лучшие менеджеры из Японии падают в неравной схватке с вашими Госснабами, промами, планами и прочими узлами бюрократической машины.

— А ваша «Свобода» сама не нуждается в перестройке? По мнению многих советских радиослушателей, передачи стали скучноваты...

— Да, мы знаем, что увеличению числа наших радиослушателей мы обязаны главным образом снятию глушения. И как любое коммерческое предприятие, мы ориентируемся на изменившийся рынок. До перестройки мы были суррога-

том советского радио: тогда слишком много информации советские люди могли получать только с Запада, от нас.

— С чего это вы так добры к нам, «красным»? Зачем вам нас информировать?

— Доброта тут не при чем. Сегодня судьба каждого из нас все более в буквальном смысле слова зависит от степени сознательности другого. Поэтому необходимо, чтобы у каждого было достаточно информации для принятия решения, для участия в управлении своего общества. Ваша информированность — это ваша и моя безопасность. Сейчас это понимает и ваше правительство — иначе Съезд народных депутатов СССР не транслировался бы по радио и телевидению.

В условиях перестройки радиостанция «Свобода» видит свою задачу в расширении диалога между Востоком и Западом. Необходимы передачи, раскрывающие глубину проблем, стоящих перед советским обществом. И как можно больше прямых контактов с вами: боль-

ше круглых столов, экспресс интервью на улицах, контактов в эфире между советскими и западными специалистами, политиками, гражданами. Нам нужен собственный корреспондент в СССР, и не один, — не только в Москве, но и на периферии. Тогда бы «Свобода» могла реализовать свой громадный научный и информационный потенциал с пользой для вашей страны и всего мира.

— И все-таки, Джон, я разочарована беседой с вами. Вы осторожничаєте. Вы говорите даже менее резко, чем народные депутаты СССР! От сотрудника «Свободы» — так сказать, матерого радиодиверсанта — наш читатель ожидает более подрывных высказываний...

— Я стараюсь быть дипломатом: очень уж хочется к вам еще раз вернуться. А вот если на будущих выборах я стану народным депутатом СССР (мечта сумасшедшего, но я не сумасшедший!) — тогда и поговорим.

Беседу провела
Алла ГЛЕБОВА

ПОЧТА

Наступит ли день?

Я отбыл в советских лагерях и тюрьмах двенадцать лет. На моих глазах замучили Галанскова, повесили Опанасенко, не выдержал двадцатипятилетнего заключения один из литовских лесных братьев. Он погиб. Полицейских, которые служили у немцев, в лагере холили администрация и КГБ, так как они были их ушами и глазами, каждый наш шаг, каждое наше неосторожное слово были им известны.

«Зек — это не человек».

«Коммунизм — это нажимаем курок» — вот такие понятия, вот такая психология.

В этапном боксе Горьковской тюрьмы в 1967 году зимой я прочитал такие слова на грязной стене. Они были напи-

саны кровью: «Будь проклят тот, отныне и до века, кто хочет исправить человека тюрьмой!»

Унижения и издевательства, постоянные нарушения прав человека — все это я прошел и не сдался: сейчас я много пишу, но все словно в бездонную яму. Моих товарищей тихо, поворовски, выпустили и ни слова о них, вроде их никогда не было. А ведь это мы приближали сегодняшний день, мы страдали за него, бились, а может, это миражи и наш день еще не наступил?!

Во всяком случае о нас молчат, и мой богатый фактами, заботами, фамилиями материал никому не нужен.

В. АБАНЬКИН,
г. Ростов-на-Дону.

*Копия письма послу КНР в ГДР,
присланная авторами в редакцию*

По поводу событий в Китае

Уважаемый господин Посол!

На нас производит большое впечатление динамичное развитие Вашей страны за последние годы и Вашей политики открытых дверей. Как и большинство государств мировой социалистической системы, мы видели Вашу страну на пути преобразования социалистического общественного строя в соответствии с его исходными, принципиальными идеалами, на пути вовлечения трудящихся в это движение.

Мы с радостью видели, что такое развитие в КНР делало социалистический общественный строй привлекательным во всем мире и вселяло надежду, что человечество в состоянии решить жгучие проблемы нашей планеты.

Однако речь товарища Дэн Сяопина 9 июня перед командным составом НОАК в Пекине уже не внушает нам доверия.

Хотя он и говорит о введенных в заблуждение студентах, но такие его выражения, как «злонамеренные люди», «контрреволюционеры», «накипь общества», звучат для нас как набившие оскомину заклинания слишком знакомые нам из истории нашего немецкого народа; как заклинания, лишь подтверждающие страшные сообщения о недавних событиях в Вашей стране.

Ужасные сведения о казнях людей в Вашей стране вызвали в нас растерянность и содрогание. Ваши суды мотивируют эти смертные приговоры защитой революции и необходимостью наказания преступников, подбивших большое число студентов и совершивших

насильственные действия против Народно-освободительной армии Китая. Вместе с тем, солдаты, врезавшиеся своими танками и грузовиками в людскую толпу, широковещательно прославляются как герои. Требования миллионов людей в интересах развития коммунистического общества в КНР квалифицируются как контрреволюция, а ответом на них явилась волна преследований и репрессий.

Как граждане ГДР и христиане, мы энергично выступаем против такого использования власти и против уничтожения человеческих жизней посредством смертных приговоров. Никакой человек не располагает ведь правом убивать других людей из-за их иного мышления.

Еще никогда в истории не находили почитания и восхваления такие руководители государства, которые в интересах своего господства прибегали к массовым казням, репрессиям и преследованиям; их разоблачение со стороны своего народа как высокопоставленных преступников было, в лучшем случае, лишь вопросом времени. Было бы весьма прискорбно, если бы руководителей Вашего народа со временем постигла такая же судьба.

Шанс для переоценки событий нам видится лишь в том, что с такими методами тоталитарных систем будет медленно покончено. Однако этот шанс представляется нам вполне реальным.

Несомненно, в Вашем народе налицо широкая готовность к диалогу. Люди на площади Тяньаньмэнь в Пекине именно по этой причине первоначально нашли сочувствие — за их готов-

ность вести диалог. Если противоречия в Вашем обществе открыто обсуждаются, без опасности для людей подвергнуться дискриминации из-за их инакомыслия, то можно найти и конструктивные решения. Обращение к насилию свидетельствует о бездуховности и никогда не было достойным человека.

Мы убедились, что китайцы способны дать мировой общественности яркий пример решения конфликтов на пути духа и фантазии. Мы весьма приветствовали бы способность руководителей Вашего народа использовать этот шанс для диалога и для немедленного прекращения казней и преследований, чтобы остаться в мировом обществе и в будущем их собственным народом.

Поэтому мы просим Вас, господин Посол, выступить за то, чтобы в Вашей стране начать диалог между правительством и людьми и чтобы тем самым не было повторения таких актов насилия.

Поскольку мы не исключаем, что это письмо будет расценено как несущественное или субъективное и потому отложено в сторону, нам хотелось бы придать ему объективную основу и должное значение. Поэтому мы направляем его одновременно в ниженазванные организации, которые просим о поддержке.

С дружеским приветом,

**Роланд Вайзе,
Кармен Вайзе (и
еще три подписи —
неразборчиво).**

г. Берлин,
9 июля 1989 г.

Список рассылки:

- Евангелическая консистория, г. Магдебург;
- редакция журнала «Век XX и мир», г. Москва;
- Международный союз за примирение.

Поправка. В номере 6/89 прошла опечатка. Авторами статьи «Тень над демократией» (стр. 16) являются Александр Смагин и Игорь Залысин. Редакция приносит извинения перед последним за орфографическую ошибку в написании его фамилии.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

ВЕК XX И МИР

XX CENTURY AND PEACE

LE XXe SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

